Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Голубев С.Т.

КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Труды Киевской духовной академии, 1901, III, с. 306-406

© Сканирование и создание электронного варианта:

Киевская духовная академия
http://kdais.kiev.ua

Киев, 2010

Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.

(Рѣчь, произнесенная 26 сентября 1901 г. на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 26 сентября 1701 года, нашей Almae Matri впервые въ оффиціальномъ документѣ, Высокомонаршей грамотѣ, усвоено было названіе *Академіи*. Событіе это для историковъ Кіевской Академіи служитъ основаніемъ начинать съ означеннаго времени новый періодъ ея историческаго прошлаго. Двухсотлѣтіе сего событія, падающее на нынѣшній день,—день торжественнаго акта нашей Академіи,—служитъ для меня побужденіемъ перенестись мыслію къ этому прошлому. Я имѣю честь предложить Вашему просвѣщенному вниманію рѣчь на тему о томъ, чѣмъ была наша Академія двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Послѣ кончины приснопамятнаго фундатора кіево-могилянской коллегіи, митрополита Петра Могилы, ея матеріальныя средства и научныя силы быстро стали умаляться. Для коллегіи невознаградима была уже самая утрата науколюбиваго митрополита, неусыпно заботившагося объ ея процвѣтаніи

и щедро надѣлявшаго ее матеріальными средствами. Но еще бо́льшій ударъ благосостоянію коллегіи нанесли начавшіяся послѣ сего смуты и „междоусобныя брани“ въ Малороссіи, причемъ Кіеву нерѣдко приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть бурнаго времени. Междоусобныя брани не прекратились и послѣ возсоединенія Малой Россіи съ Великою. Во время одной изъ такихъ браней (1658 г.) уничтожена была пламенемъ значительная часть „города Кіева“ (Подола), а при этомъ и Братскій монастырь съ находившимися здѣсь церквами и коллегіею [1]). *„Ни единого имѣ покоя плоть наша*—заявляетъ тогдашній ректоръ кіево-могилянской коллегіи Іоанникій Галятовскій—*внѣ уду брани, внутрь уду страхи* [2]).—Къ этимъ стихійнымъ несчастіямъ присоединились столкновенія помянутаго Галятовскаго съ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ,—человѣкомъ по тому времени довольно образованнымъ, но преслѣдовавшимъ исключительно личные интересы, которые не всегда сходились съ интересами кіевскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе „оскорбленій и гоненій“, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ на Галятовскаго, послѣдній вынужденъ былъ удалиться въ Галицію и скитаться по разнымъ, отдаленнымъ отъ Кіева городамъ, а коллегія, въ это тяжелое для нея время, около двухъ лѣтъ оставалась безъ ректора [3]). Но самый смертельный ударъ коллегіи рѣшилось было нанести московское правительство. Утомленное продолжительною борьбою съ Польшею изъ-за обладанія Малороссіею, видя во многихъ малороссіянахъ „шатость“ и „перелетство“, а въ средѣ кіевскихъ ученыхъ несочувствіе къ сосредоточенію церковной власти въ рукахъ московскаго патріарха,—московское правительство, въ то время еще съ недовѣріемъ относившееся къ западной наукѣ, опасалось, что въ кіево-могилянской коллегіи, гдѣ въ основу преподаванія положены были латино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чуждыя московскимъ воззрѣніямъ. Поэтому, когда получено было въ

Москвѣ „челобитье“ о возобновленіи, т. е. о поддержаніи склонившихся къ „послѣднему оскудѣнію“ кіевскихъ школъ,— московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ, боярину Шереметеву, что *лучше бы тѣхъ школъ не заводить*, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“ [4]).—Но представители кіевской учености и вообще интеллигентные малороссы разсуждали объ этомъ иначе. Они смотрѣли на свою коллегію, какъ на свѣточъ, разсѣевавшій долго царившую въ Россіи тьму невѣжества и приравнивали ее „ко вторымъ Аѳинамъ“, которыя милосердый Богъ рукою митрополита Петра Могилы воздвигнулъ „на благо православной церкви и всего народа Россійскаго“. Въ Кіевѣ ревнители православія не о закрытіи школъ помышляли, но всемѣрно заботились о томъ, чтобы (какъ они выражались) „не угасла искра“ отъ возженнаго Петромъ Могилою свѣтильника науки и „сѣмя сей науки не было искоренено“ [5]). Такое настроеніе въ средѣ образованныхъ малороссіянъ, разумѣется, хорошо было извѣстно воеводѣ Шереметеву, и онъ на сдѣланное ему московскимъ правительствомъ предложеніе о возможности закрытія кіевскихъ школъ категорически отвѣчалъ: „Въ Кіевѣ школа (т. е. кіево-могилянская коллегія) заведена до пріѣзду моего... и перевесть (т. е. упразднить) тое старую школу *никоторыми мѣры нелзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе*“ [6]). Московское правительство должно было признать справедливость этого мнѣнія. Оно настаивало только, чтобы въ означенныхъ школахъ обучались кіевскіе жители, а „изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ“ никто въ нихъ принимаемъ не былъ, дабы отъ сего не произошло *„смуты и всякаго дурна“* [7]).—Такимъ образомъ мрачная туча, угрожавшая было самому существованію коллегіи, миновала ее. Но тяжелыя раны, нанесенныя ея матеріальному благосостоянію, залечивались медленно.

Избранный, послѣ Галятовскаго, на ректуру въ коллегіи и соединенное съ нею кіево-братское игуменство, Варлаамъ Ясинскій былъ, по выраженію его учителя Лазаря Барановича, *плодоносною вѣтвію* (могилянскаго) *винограда* [8]),—былъ человѣкъ высокообразованный, дѣятельный, всецѣло преданный интересамъ ввѣренныхъ его управленію и попечительству учрежденій, всемѣрно заботившійся о приведеніи ихъ къ благоустройству. Но ему приходилось дѣйствовать среди непрекращавшихся бурь политическихъ и нестроеній церковныхъ. Ясинскій неоднократно обращался съ просьбами о коллегіи и въ Польшу [9]) (въ то время еще неизвѣстно было подъ чьею властію окажется Кіевъ), и къ Московскому правительству, и ко многимъ вліятельнымъ лицамъ [10]); но выхлопотанныя имъ у польскаго короля грамоты, подтверждавшія права коллегіи и укрѣплявшія числящіяся за нею и монастыремъ помѣстья, реальнаго значенія не имѣли (такъ какъ Кіевъ навсегда остался во владѣніи московскаго государства), московское же правительство къ многочисленнымъ петиціямъ Ясинскаго отнеслось довольно холодно, предоставивъ обращаться съ этими петиціями (съ большинствомъ петицій) къ малороссійскому гетману [11]),—и хотя послѣдній надѣлилъ кіево-братскій училищный монастырь довольно доходнымъ помѣстьемъ, удовлетворилъ нѣкоторыя и другія просьбы ректора [12]), но всѣ эти гетманскія милости далеко не соотвѣтствовали понесеннымъ коллегіею потерямъ. Поэтому монастырскія и училищныя зданія воздвигались съ большими трудностями, богослуженіе очень долгое время отправлялось въ единственномъ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара 1658 г., маломъ трапезномъ придѣлѣ [13]) и только въ началѣ 1670 г.г. сооружена была въ обители небольшая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня.

Тяжкое бремя, возложенное въ это трудное время на Ясинскаго, усугублялось двойственностью его положенія—какъ ректора коллегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена монастыря.

Какъ человѣкъ образованный и науколюбивый, онъ гораздо болѣе принималъ къ сердцу интересы коллегіи, чѣмъ монастыря. Это вызывало неудовольствія со стороны братіи, тяготѣвшей къ монастырю; неудовольствія перешли въ открытый ропотъ послѣ извѣстнаго несчастнаго случая—убіенія поляками въ братскомъ имѣніи Новоселкахъ трехъ братій, неблаговременно посланныхъ туда Ясинскимъ [14]),—и онъ—съ болью въ сердцѣ—долженъ былъ отказаться отъ ректуры и игуменства (1673 г.) [15]).

Ближайшіе преемники Ясинскаго по своей заботливости о нуждахъ монастыря и коллегіи во многомъ уступали своему предшественнику, и хотя добрыя начинанія послѣдняго, направленныя къ подъему учебной стороны коллегіи, стали приносить ожидаемые плоды [16]), но матеріальное ея положеніе, несмотря на прояснявшійся политическій горизонтъ и непрекращавшіяся жертвы со стороны благотворителей, продолжало оставаться крайне бѣдственнымъ. „Монастырь—пишетъ очевидецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, бывшій въ означенное время питомцемъ коллегіи—монастырь, во время младыхъ моихъ лѣтъ, при Головчичѣ и Гугуревичѣ и другихъ ректорахъ,... былъ жажденъ, и гладенъ, и хладенъ, и, чудо воистинну, какъ устоялъ!“... „А которая таковой бѣдности могла быть причина?“—ставитъ вопросъ Прокоповичъ, и отвѣчаетъ: „Незнаніе экономіи и не одно того незнаніе, но къ тому противные, разорительные поступки, начальныхъ нерадѣніе, лѣность, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дненощныхъ забавокъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ—непросыпляемое пьянство, а другихъ—прилѣжныя кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія“ [17])... Особенно неблагопріятно должно было быть для коллегіи ректорство въ ней Ѳеодосія Гугуревича, человѣка не безъ дарованій, но въ нравственномъ отношеніи быстро опускавшагося по наклонной плоскости, печально закончившаго свою жизнь

и еще болѣе печальную память оставившаго о себѣ въ потомствѣ [18]).

Съ начала 90-хъ г.г. XVII столѣтія для кіево-могилянской коллегіи наступаютъ лучшія времена, и она быстро начинаетъ обновляться и внѣшне и внутренне. Въ 1690 году, послѣ кончины митрополита Гедеона Святополка-Четвертинскаго, на первосвятительскую каѳедру кіевской митрополіи вступилъ бывшій питомецъ кіево-могилянской коллегіи и одинъ изъ достойнѣйшихъ ея ректоровъ, упомянутый Варлаамъ Ясинскій. Хорошо знакомый съ причинами „нестроеній", подрывавшихъ благосостояніе коллегіи, новый митрополитъ, никогда непереставшій участливо и сердечно относиться къ ней, озаботился о замѣщеніи освободившейся въ коллегіи ректуры лицомъ, способнымъ, по его выраженію, быть ея *благоразумнымъ и благочиннымъ устроителемъ*. Такимъ избранникомъ оказался состоявшій въ то время настоятелемъ кіево-никольскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій, тоже бывшій питомецъ коллегіи, довершившій свое образованіе въ заграничныхъ академіяхъ, человѣкъ большихъ дарованій и большой учености, много лѣтъ потрудившійся уже для воспитавшей его школы въ качествѣ профессора риторики, философіи и богословія [19]). Кроковскій вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и явился дѣйствительнымъ устроителемъ коллегіи и кіево-братскаго монастыря. Немедленно по вступленіи на ректуру онъ твердою рукою началъ приводить въ порядокъ расшатанныя экономическія дѣла и, точно опредѣливъ имущественную наличность монастыря, позаботился объ ея укрѣпленіи путемъ оффиціальнымъ, что, въ виду постоянныхъ столкновеній и споровъ изъ-за нѣкоторыхъ помѣстій, являлось дѣломъ неотложнымъ [20]). Въ надежныя руки передано было имъ и наблюденіе за монастырскими доходами [21]). Но главною заслугою Кроковскаго для коллегіи было исходатайствованіе для нея передъ правительствомъ *правъ высшаго учебнаго заведенія*. Правами этими кіево-могилян-

ская коллегія при польскомъ владычествѣ не пользовалась или, точнѣе, пользовалась недолго, къ тому же *tacite*, не имѣя на то соотвѣтствующей грамоты [22]). Привилеемъ короля, даннымъ православнымъ на сеймѣ 1635 года, въ коллегіи разрѣшалось обученіе свободнымъ наукамъ не далѣе логики и діалектики [23]). Поэтому преподаваніе богословія сливалось здѣсь съ курсами философскими, не было представляемо самостоятельною каѳедрою. Затѣмъ среди бушевавшихъ волнъ политической и церковной бури коллегія не только не могла мечтать о расширеніи у себя преподаванія, но послѣднее, по временамъ, должно было сокращаться въ ней до *minimum*'а. Но съ половины 80-хъ г.г. XVII стол., несмотря на указанныя экономическія нестроенія въ коллегіи, научныя ея силы стали замѣтно возрастать. Въ ряду средствъ къ поднятію научнаго уровня коллегіи, предпринятыхъ Ясинскимъ въ бытность его здѣсь ректоромъ, было отправленіе „монастырскимъ коштомъ" способныхъ „студентовъ" для завершенія образованія за-границу [24]). Къ указанному времени эти даровитые юноши стали возвращаться на родину и занимать въ воспитавшей ихъ школѣ профессорскія должности, вслѣдствіе чего найдено было возможнымъ не только расширить курсы философскіе, но и ввести преподаваніе богословія, и когда послѣднее окончательно упрочено было въ коллегіи, Кроковскій нашелъ благовременнымъ обратиться къ московскому правительству съ ходатайствомъ о дарованіи ей болѣе широкихъ правъ.

Съ ходатайствомъ объ этомъ Кроковскій лично отправился въ Москву [25]). Митрополитъ и гетманъ снабдили его рекомендательными письмами къ вліятельнымъ лицамъ и обширными челобитьями на имя государей о нуждахъ коллегіи. Въ челобитной гетмана, между прочимъ, выставлялось на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только „вящее примноженіе хвалы Божіей", но и „великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, *все-*

народная слава": ибо Кіевъ—„исконная отчина" ихъ Величествъ.—Кроковскій принятъ былъ въ Москвѣ ласково, и 11 января 1694 года получилъ двѣ высокомонаршія грамоты, изъ коихъ одною укрѣплялись за кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ принадлежавшія ему помѣстья и угодья въ границахъ, указанныхъ въ челобитной, а другою—*опредѣлялись права коллегіи*. За нею утверждалось право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе—философіи и и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ, но и „изъ иныхъ странъ приходящихъ" („благочестивой греко-россійской вѣры"); она ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны военныхъ чиновъ и городскаго управленія, и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомоществованіе по 50 рублей и 50 четвертей ржи въ годъ [26]). Но *Академіею* въ этой грамотѣ кіево-могилянская коллегія еще не названа; не сказано здѣсь въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ и о предоставленіи ей собственнаго суда надъ учащимися. Послѣднее обстоятельство служило поводомъ къ частымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между коллегіатами и представителями свѣтской власти, въ особенности съ кіевскою ратушею. Въ 1699 году кіевскій войтъ, лично бывшій въ Москвѣ, занесъ жалобу на коллегіатовъ и выхлопоталъ государеву грамоту, предоставлявшую кіевскимъ мѣщанамъ право „приводить въ приказную избу" безчинствующихъ студентовъ, т. е. судить ихъ за проступки свѣтскимъ судомъ [27]),—чѣмъ вскорѣ мѣщане и воспользовались, засадивъ провинившагося студента въ свою ратушную тюрьму, а отсюда препроводивъ для суда въ избу приказную. Обстоятельство это произвело сильное волненіе въ средѣ коллегіатовъ. Вся коллегія in corpore, т. е. какъ профессора, такъ и студенты, вошли къ митрополиту съ прошеніемъ, гдѣ, съ подробностями разсказавъ объ упомянутомъ случаѣ, заявляли, что учрежденіе, въ которомъ они учатъ и учатся, есть *Ака-*

демія и ей съ самаго основанія присущи тѣ права свободы, т. е. самоуправленія и суда, которыми пользуются академіи „во всѣхъ государствахъ иноземскихъ“, поэтому посягательства „мірскихъ властей“ на эти права составляютъ для нихъ, просителей, „тяжкую обиду“. Притомъ кіево-могилянская Академія находится подъ властію своего архипастыря (митрополита) и ему подсудна, мірскимъ же людямъ вступаться въ суды духовные есть дѣло съ одной стороны очень неприличное, а съ другой—„противное правиламъ святымъ и самому правилодавцу Богу“. Поэтому профессора и студенты, припадая къ архипастырскимъ стопамъ, просили митрополита войти съ ходатайствомъ „къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу объ огражденіи ихъ отъ указанныхъ безчиненій и дерзости кіевскихъ мѣщанъ“ и другихъ свѣтскихъ лицъ, именно „*чтобъ студентамъ, аще бы какая вина и случилась за ними, судъ былъ въ Академіи*“ [28]).

Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій горячо отнесся къ этому: немедленно отправилъ челобитную на имя государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько просительныхъ писемъ, къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ [29]). Особенно большія надежды кіевскій митрополитъ (и не безъ основанія) возлагалъ на содѣйствіе въ данномъ случаѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, тѣсными узами соединеннаго съ кіевскими учеными и въ то время, по своему общественному положенію, близко стоявшаго къ государю и придворнымъ сферамъ. „Всеусердно прошу—писалъ кіевскій митрополитъ рязанскому—благоволи святыня Ваша быти ближайшимъ ходатаемъ до пресвѣтлѣйшаго престола царскаго, якоже и Христосъ Господь бѣ ходатайствуя между Богомъ и человѣкомъ, и умоли благочестивѣйшаго государя, царя, премилостивѣйшаго монарха въ подаяніи *полномощной грамоты и крѣпости..., чтобъ не имѣли отнынѣ мѣщане кіевскіе и господинъ генералъ-губернаторъ верх-*

няго города Кіева надъ студентами власти и воли, но аще бы каковъ студентъ провинился, чтобъ искали управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ школъ братскихъ кіевскихъ, у ректора и префекта".—Варлаамъ Ясинскій благопріятному рѣшенію своей просьбы придавалъ чрезвычайно важное значеніе. „Только тогда—писалъ онъ тому же Яворскому—кіевскія школы, на недвижимомъ камени блаженныя памяти (митрополитѣ) Петрѣ Могилѣ основанныя, не поколеблятся отъ противныхъ вѣтровъ"; только тогда это мѣсто, нѣкогда „орошаемое кровными каплями Вашей святыни (намекъ на профессуру въ коллегіи Яворскаго) и среди несчастій процвѣтавшее какъ роза", не прорастить, запустѣвая, „терній и волчцевъ" [30]).

Стефанъ Яворскій, всегда доброжелательно и участливо относившійся къ воспитавшей его школѣ, поспѣшилъ исполнить просьбу кіевскаго митрополита относительно ходатайства предъ государемъ по данному дѣлу и, главнымъ образомъ, благодаря этому ходатайству выдана была нашей Академіи упомянутая мною въ началѣ рѣчи жалованная государева грамота, датированная 26-мъ сентября 1701 года [31]).

Въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи, посвящавшіе свои труды изученію прошлаго нашей Академіи, не придаютъ особеннаго значенія этой грамотѣ. Они говорятъ, что грамота 1701 года подтверждаетъ только то, что уже дано было коллегіи предшествующей грамотою государей 1694 года, и въ грамотѣ 1701 года коллегія не называется Академіею: это названіе усвояютъ ей только сами профессора и студенты въ своей челобитной, отчасти приведенной въ грамотѣ [32]).

Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

Мы упомянули уже, что въ царской грамотѣ 1694 года, подтверждающей и дарующей разныя права кіево-могилянской коллегіи, въ недостаточно опредѣленныхъ выра-

женіяхъ, говорится о предоставленіи ей самоуправленія и суда. Правда, послѣднее какъ-бы само собою подразумѣвается: вытекаетъ изъ общаго характера дарованныхъ коллегіи правъ. Но это—уже толкованіе грамоты, съ которымъ можно было и не соглашаться и съ чѣмъ дѣйствительно не соглашались не только „мірскія власти“ города Кіева, но и само московское правительство, нашедшее возможнымъ выдать кіевскимъ мѣщанамъ жалованную грамоту, предоставлявшую имъ право привлекать студентовъ коллегіи къ свѣтскому суду. Поэтому на грамоту, данную кіево-могилянской коллегіи 26 сентября 1701 года, слѣдуетъ смотрѣть дѣйствительно, какъ на грамоту, по выраженію митрополита Ясинскаго, *„полномощную“*, т. е. расширяющую права коллегіи предоставленіемъ ей собственнаго суда надъ студентами,—допустимъ даже, что можно смотрѣть на нее, какъ *на толкованіе* предшествующей грамоты 1694 года, но *толкованіе, согласное съ пониманіемъ и желаніемъ коллегіатовъ*. А какое важное значеніе придавали этому коллегіаты и кіевскій митрополитъ, намъ уже извѣстно.

Что касается до названія кіево-могилянской коллегіи Академіею, то мы видѣли, что оно впервые употреблено коллегіатами въ челобитной на имя митрополита въ видѣ объясненія или, лучше сказать, въ качествѣ доказательства законности ихъ правъ имѣть собственный судъ надъ студентами, подобно тому, какъ это право принадлежитъ и другимъ однороднымъ учрежденіямъ, академіямъ иноземнымъ. Даруя коллегіи это право *по соображеніямъ* (основаніямъ), *указаннымъ въ челобитной коллегіатовъ*, и при этомъ, согласно послѣдней, называя ее, притомъ называя неоднократно, *Академіею*, царская грамота. очевидно, тѣмъ самымъ и признаетъ за нею это наименованіе.

Къ концу XVII столѣтія, одновременно съ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія, кіево-братскій монастырь и коллегія начинаютъ благоукрашаться. Этимъ они преимущественно обязаны щедротамъ малороссійскаго гетмана Мазепы, бывшаго великимъ благотворителемъ духовенства, церквей и монастырей. Великолѣпная Богоявленская церковь, доселѣ служащая лучшимъ украшеніемъ нашего монастыря, построена была (въ началѣ 1690-хъ годовъ) на средства Мазепы [33]). На его же средства сооруженъ былъ (1703—1704 г.г.) для академическихъ аудиторій обширный каменный корпусъ, въ которомъ мы въ настоящее время находимся [34]).—Что касается до Богоявленской церкви, то она въ архитектурномъ отношеніи перемѣнамъ не подвергалась, и поэтому нарочитыя рѣчи о ней излишни. Но Мазепинъ корпусъ былъ перестраиваемъ неоднократно. Въ первоначальномъ видѣ онъ изображенъ на панегирикѣ-гравюрѣ, поднесенной студентами Академіи бывшему ея ректору, въ то время настоятелю кіево-никольскаго монастыря, Прокопію Колачинскому. Къ сожалѣнію, на гравюрѣ бо́льшая часть зданія заслонена группою студентовъ и изображеніемъ Паллады со знаменемъ въ рукѣ, помѣщенныхъ впереди академическаго корпуса. Впрочемъ, и видимыя части зданія даютъ достаточно отчетливое представленіе объ его архитектурѣ, и оно можетъ быть возстановлено въ полномъ видѣ. Архитектура красивая. Зданіе двухъ-этажное. Лицевая его сторона имѣетъ галлереи съ многочисленными довольно изящными столбами (въ нижнемъ этажѣ) и колоннами (въ верхнемъ); на двухъ-скатной крышѣ—три башенки.—Въ 1735 году архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, одинъ изъ архипастырей, наиболѣе участливо относившихся къ Академіи, надстроилъ верхній этажъ Мазепина корпуса по плану архитектора Штейна, причемъ лицевая средняя часть верхняго этажа украшена была огромною колонадою въ тосканскомъ стилѣ. Къ сѣверо-восточной стѣнѣ корпуса пристроена была небольшая каменная церковь, по-

лучившая названіе конгрегаціонной. Изображеніе этого реставрированнаго корпуса находится на панегирической гравюрѣ, поднесенной въ 1739 году архіепископу Заборовскому студентомъ Кіевской Академіи Даміаномъ Галяховскимъ [35]). Въ послѣдній разъ корпусъ передѣлываемъ былъ во второй половинѣ 19-го столѣтія, причемъ галлереи и колонада были уничтожены, и зданіе совершенно утратило свой первоначальный видъ.

Для болѣе яснаго представленія о трактуемомъ предметѣ, позволяю себѣ предложить Вашему вниманію два рисунка *). На первомъ рисункѣ изображенъ Мазепинъ корпусъ до реставраціи его архіепископомъ Заборовскимъ. Тѣ части корпуса, которыя въ упомянутой панегирической гравюрѣ, поднесенной *Колачинскому*, заслонены изображеніями студентовъ и Паллады, на рисункѣ возстановлены на основаніи видимыхъ на гравюрѣ частей зданія и въ архитектурномъ соотвѣтствіи съ ними.—Второй рисунокъ представляетъ реставрированный Заборовскимъ корпусъ, какъ онъ изображенъ на упомянутой гравюрѣ Галяховскаго (на рисункѣ возстановлена только передняя—алтарная—часть конгрегаціонной церкви, на гравюрѣ, за недостаткомъ мѣста, не воспроизведенная). Что касается теперешняго вида стараго академическаго корпуса, то онъ у всѣхъ передъ глазами.

---

*) Изображенія Мазепина корпуса до реставраціи и реставрированнаго Заборовскимъ возстановлены по указаннымъ гравюрамъ инженеромъ *Е. Ѳ. Ермаковымъ*, которому мы и приносимъ *глубокую благодарность*. Изображенія эти (рисунки) помѣщены въ концѣ сей рѣчи. На первомъ рисункѣ (помѣченномъ цифрою I) изображенъ Мазепинъ академическій корпусъ до реставраціи его Заборовскимъ, на второмъ (помѣченномъ цифрою II)—послѣ означенной реставраціи.

Обращаюсь къ бытовой сторонѣ академической жизни за разсматриваемое время.

Ректоръ Академіи (совмѣщавшій съ сею должностію и настоятельство въ кіево-братскомъ монастырѣ) былъ *выборный*. Въ выборахъ его участвовали не одни профессора Академіи, но и все ученое духовенство города Кіева (члены „консисторіума", настоятели кіевскихъ монастырей)[36]). Участіе сихъ лицъ въ выборахъ объясняется ихъ тѣсными связями съ Академіею, такъ какъ всѣ они, за рѣдчайшими исключеніями, здѣсь начинали свою служебную карьеру: были профессорами, а многіе и ректорами Академіи,—всѣ они были, какъ иногда выражались о нихъ, emeritissimi professores, rectores, и никогда не прерывали тѣснаго общенія съ своею Alma Matre[37]).—О результатахъ выборовъ немедленно сообщаемо было митрополиту, который въ свою очередь увѣдомлялъ объ этомъ малороссійскаго гетмана, такъ какъ Мазепою испрошено было у московскаго правительства распоряженіе, чтобы высшія духовныя должности безъ его гетманскаго согласія не замѣщались, что неуклонно подлежащими органами и исполнялось[38]). По полученіи отъ гетмана благопріятнаго отвѣта происходило *возведеніе* избранника въ ректоры, торжественно совершавшееся по *особому чину* въ церкви; затѣмъ новому ректору выдавалась митрополитомъ соотвѣтствующая ставленная грамота[39]).

Ректора обычно избирались изъ среды академическихъ профессоровъ: это было для наиболѣе потрудившихся и достойнѣйшихъ изъ нихъ—наградою за ихъ долголѣтнюю службу въ Академіи, было вѣнцомъ ихъ учебной карьеры здѣсь и переходною ступенью къ высшимъ почестямъ. Уклоненія отъ этого общаго правила были рѣдкія и вызывались исключительными обстоятельствами[40]).

Префектъ Академіи (первое лицо послѣ ректора), профессора и преподаватели утверждались по представленіямъ

ректора митрополитомъ [41]). Всѣ они были лицами монашествующими (за рѣдкими исключеніями и то для преподавателей въ низшихъ классахъ [42]). Прочно установившійся обычай при замѣщеніи каѳедръ былъ слѣдующій. Даровитѣйшіе студенты Академіи, изъявившіе согласіе принять впослѣдствіи монашество и послужить родной школѣ, отправлялись для довершенія образованія заграницу, по возвращеніи откуда и принятіи монашества, имъ и предоставлялось преподаваніе извѣстныхъ предметовъ, начиная съ низшихъ, или даже (смотря по обстоятельствамъ) съ среднихъ классовъ; затѣмъ, по окончаніи пройденнаго курса, они вмѣстѣ съ своими, усвоившими предметъ, питомцами переходили въ слѣдующій, высшій классъ [43]). Такъ, напр., по окончаніи піитики профессоръ переводился въ классъ риторическій, по окончаніи риторики—въ классъ философскій, а если затѣмъ избирался ректоромъ, то занималъ каѳедру богословія. Разумѣется, отъ этого обычнаго порядка бывали отступленія, зависѣвшія отъ разныхъ причинъ и особенно усилившіяся въ разсматриваемое нами время (въ самомъ началѣ XVIII ст.) вслѣдствіе участившихся вызововъ профессоровъ Академіи въ Москву; но общій принципъ оставался неизмѣннымъ.

Такимъ образомъ преподаваніе въ Академіи не было постоянною профессіею для лицъ занимавшихся имъ: оно было временнымъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „послушаніемъ“ ученаго монашества. Вслѣдствіе этого составъ профессоровъ мѣнялся весьма часто.

Каково было матеріальное обезпеченіе академическаго учащаго персонала?

Историки Кіевской Академіи утверждаютъ (имѣя въ виду и разсматриваемое нами время), что оно было крайне бѣдственное. „Профессора и учителя—говоритъ преосв. Макарій, а вслѣдъ за нимъ и другіе—не получали никакого жалованья, а довольствовались изъ монастыря однимъ пропи-

таніемъ и одѣяніемъ—самымъ простымъ, *какъ и прочая братія до послѣдняго:* они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему свои способности, труды и знанія изъ *одной благодарности*" [44]). Намъ кажется, что мнѣніе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. До нашего времени сохранился любопытный документъ—жалоба префекта и профессоровъ Академіи къ митрополиту по поводу неудовлетворительнаго содержанія, даваемаго имъ монастыремъ, и отвѣтъ на эту жалобу ректора, какъ настоятеля монастыря. Изъ этого отвѣта, съ большими подробностями перечисляющаго издержки монастыря на преподавателей и профессоровъ, видно, что пищевое продовольствіе ихъ было отнюдь не скудное и далеко превосходившее содержаніе рядовой монастырской братіи, а профессоровъ высшихъ классовъ, въ особенности префекта, даже преизобильное. Вотъ сокращенная выдержка изъ документа, гдѣ говорится о продовольствіи, даваемомъ префекту. „Отцу префекту рыбы дается по четыре порціи... и кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія кушанья, какія въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ, въ праздничные же и воскресные дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки. Пива дается по семи квартъ на день, пива же дается въ ледовню по двѣ куфы (большія бочки)... Олѣи дается въ среду полкварты, въ пятокъ полкварты; масла дается въ скоромные дни по полфунта. Отъ Воскресенія (Христова) до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта *двѣ салѣ*. Водки дается отцу префекту по флягѣ гарцовой (большая глиняная посуда) въ начатіи школъ, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, также при окончаніи школъ, да не возбраняется и тогда, когда было бы ему надобно. Префектовская же фуниція—ядовито добавляетъ ректоръ—такими лѣкворами обыкновенно всегда богата есть. Меду дается по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется.

Свѣчъ дается пять сотъ на годъ; соли—по пяти гусокъ на тыждень (недѣлю); сыра и яицъ, когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Варево дается всякое, когда востребуетъ онъ, отецъ префектъ. Дровъ дается столько, сколько надобно.—Блюда и тарелки даются. Коляска съ лошадями префекту (равно какъ и всѣмъ учителямъ) невозбранна" [45]).

Приведенный документъ относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но въ немъ констатируются *давніе* академическіе обычаи.

Денежнаго жалованья за обученіе, въ разсматриваемое время, профессора и преподаватели дѣйствительно не получали; но они имѣли другіе источники доходовъ. Такъ, будучи „постриженцами" какого-либо монастыря, они числились въ составѣ его братіи и имъ шли кружечные „братскіе подѣлы". Нѣкоторыя суммы—въ переводѣ на теперешній счетъ, рублей по 150—200, они получали отъ такъ называемой *паничевой консоляціи*, кромѣ доброхотныхъ приношеній отъ состоятельныхъ родителей тѣхъ же паничей жизненными припасами [46]). Ректоръ, а иногда и профессора, приглашались въ высокоторжественные дни (на государевы имянины, и др.) на молебны въ Кіево-Софійскій соборъ и за это получали изъ кіевскихъ доходовъ вознагражденіе по опредѣленной для подобныхъ случаевъ таксѣ [47]). Оплачивалось иногда и произнесеніе проповѣдей въ томъ же соборѣ [48]). У ректора же и префекта были и другіе сторонніе источники доходовъ [49]).

Не самое содержаніе преподавателей было неудовлетворительное, *скудное*, (этого сказать нельзя, въ особенности если принять во вниманіе, что преподаватели были лица монашествующія, безсемейныя),—неудовлетворительны были условія, коими обставлено было полученіе означеннаго содержанія (разумѣемъ, преимущественно, пищевое), ставившее учащій персоналъ въ зависимость отъ монастыря,—отъ чего возникали нерѣдко крупныя недоразумѣнія. Хорошій въ мона-

стырѣ экономъ—и у коллегіатовъ „преизобильное во всемъ довольство“: „въ съѣстныхъ и питейныхъ припасахъ *достатки не только чернеческіе, но и господскіе*“ [50]); дурно ведутся экономическія дѣла—умаляется и содержаніе преподавателей, а это—хотя бы „скудости“ и не ощущалось—вело къ естественнымъ въ подобныхъ случаяхъ волненіямъ, нарушавшимъ обычное теченіе жизни.—Въ добрыхъ отношеніяхъ съ академическою корпораціею находится ректоръ,—онъ же настоятель монастыря,—и заботливость о пищевомъ продовольствіи преподавателей простирается до того, что они ежедневно (человѣка по два) а въ нѣкоторые дни (постные) и in corpore приглашаются къ ректорскому столу. Нарушаются эти добрыя отношенія,—„отсѣкается“ и означенный обычай, что опять вело къ недовольству и нареканіямъ со стороны преподавателей, а со стороны ректора хотя и къ резоннымъ, но отнюдь не пріятнымъ замѣчаніямъ по адресу ихъ: „ректоръ-де не обязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію... да и не пригоже весьма того требовать за должность, что получаемъ мы за одинъ гуманитетъ“ [51]).

Что извѣстно объ учащихся въ Академіи за разсматриваемое время?

Вслѣдствіе бѣдствій, обрушившихся въ 50-хъ годахъ XVII стол. на кіево-могилянскую коллегію, она—по выраженію Лазаря Барановича [52])—„*умалилась*, *стала какъ малый Закхей*“, что должно быть понимаемо, какъ въ смыслѣ сокращенія въ ней преподаванія, такъ и весьма значительнаго уменьшенія числа ея питомцевъ. Но за этимъ временнымъ, хотя и довольно продолжительнымъ затишьемъ, съ 1680-хъ годовъ въ коллегіи начинается большее оживленіе: съ возрастаніемъ ея научныхъ средствъ усиливается притокъ въ нее жаждущей просвѣщенія молодежи; притокъ послѣ полученія коллегіею извѣстной намъ царской грамоты

1694 года, приравнивавшей ее къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и дозволявшей принимать дѣтей всего россійскаго народа, всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ,—притокъ этотъ усиливается и къ началу XVIII столѣтія достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Въ началѣ 1700 г.г. число обучающихся въ Кіевской Академіи достигло *болѣе 2000* человѣкъ [53]). Составъ ихъ былъ самый разнообразный, такъ какъ Академія радушно открывала свои двери для всѣхъ сословій. На ряду съ сыновьями тогдашней знати (стольниковъ, полковниковъ, знатныхъ козаковъ и т. п.) здѣсь воспитывались,—притомъ составляя большинство,—и бѣдняки, не имѣвшіе дневного пропитанія. Заботы объ этомъ пропитаніи и составляли для Академіи постоянную злобу дня, сообщивъ бытовой сторонѣ жизни большинства ея питомцевъ характерныя черты.

Часть бѣдноты жила въ такъ называемой бурсѣ, существовавшей при Академіи, часть,—не безъ большихъ хлопотъ, а иногда и непріятностей,—размѣщалась въ домахъ при кіевскихъ церквахъ, съ обязательствомъ помогать причту при отправленіи богослуженія [54]); нѣкоторые, обладавшіе хорошимъ голосомъ, принимались въ братскій пѣвческій хоръ и жили въ особомъ, предназначенномъ для него домѣ... [55]) Но давъ помѣщенія, хотя бы то и убогія, нужно было позаботиться и о хлѣбѣ насущномъ. Наибо́льшую помощь въ данномъ случаѣ оказывали существовавшія при академіи *студенческія конгрегаціи*.

Конгрегаціи эти учреждены были, въ соотвѣтствіе подобнымъ конгрегаціямъ католическимъ, еще Петромъ Могилою, преимущественно съ цѣлями нравственно-педагогическими; но въ тяжелыя для коллегіи времена они прекратили свое существованіе. Возобновителемъ ихъ явился упомянутый ректоръ Іоасафъ Кроковскій [56]). Помимо религіозно-воспитательнаго значенія, при возстановленіи этихъ учрежденій имѣлось въ виду создать чрезъ привлеченіе пожертвованій фондъ

для вспомоществованія нуждающимся ученикамъ коллегіи. Членами конгрегаціи были сами воспитанники: обучавшіеся въ классахъ высшихъ (богословскомъ и философскомъ) носили названіе sodales Majoris Congregationis, въ низшихъ — sodales Minoris Congregationis. Поступленіе въ конгрегацію обставлено было торжественно: давалась присяга, въ которую, между прочимъ всключались „клятвы и обѣты оное святое мѣсто (кіево-братскій монастырь) блажити и о немъ памятствовати, въ коемъ бы чинѣ онъ (дающій обѣщаніе) Божіею милостію ни пребывалъ“ [57]). Заправленіе дѣлами конгрегацій предоставлялось выбраннымъ закрытою подачею голосовъ лицамъ, каковые выборы тоже обставляемы были весьма торжественно. Избирались обыкновенно, для каждой изъ конгрегацій по пяти должностныхъ лицъ: *префектъ*, *два вице-префекта*, *нотаріусъ* и *вице-нотаріусъ* [58]). Въ ихъ вѣдѣніи находились книги для сбора пожертвованій; на нихъ возлагалась обязанность производить и самые сборы. Вѣроятно, въ видахъ бо́льшей успѣшности послѣднихъ на означенныя должности избирались студенты изъ состоятельныхъ классовъ (тогдашней аристократіи). Конгрегаціи пользовались правами юридически признаннаго учрежденія: имѣли собственную печать (съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы) составляли акты, вступали въ денежныя сдѣлки, подавали прошенія въ суды и т. п. [59]).

Но на конгрегаціонные сборы содержались только ученики, жившіе въ академической бурсѣ, далеко не вмѣщавшей всѣхъ нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба. Бѣдноты оставалось еще очень много, и она должна была питаться чуть не Христовымъ именемъ. Ежедневно въ обѣденное время передъ окнами зажиточныхъ гражданъ можно было встрѣтить учениковъ младшихъ классовъ Академіи, распѣвавшихъ различные канты въ надеждѣ получить что-либо изъ съѣстнаго. Вечеромъ для той же цѣли отправлялись воспитанники и старшихъ классовъ: они распѣвали уже цѣлые концерты.

Въ большіе праздники, въ особенности во время святокъ, бѣднота цѣлыми толпами ходила по домамъ со звѣздами и вертепами, принося поздравленія наиболѣе состоятельнымъ гражданамъ или же разыгрывая комедіи [60]).

Но спѣваніями и вертепами дѣло не ограничивалось. Бѣднота наталкивала иногда учащихся, при добываніи пропитанія, и на проступки. „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много"—пишетъ бывшій здѣсь проѣздомъ въ 1701 году московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ,—„да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита... нѣтъ на нихъ суда... попущено воровать пуще московскихъ солдатъ" [61]). Разумѣется, въ этомъ отзывѣ Лукьянова, въ особенности если привести его въ полномъ видѣ, много преувеличеннаго. Лукьяновъ говоритъ, очевидно, со словъ кіевскихъ мѣщанъ. отношенія которыхъ къ Академіи въ данное время были самыя обостренныя; но въ отзывѣ много и справедливаго. Нелгущая исторія отрицать этого не можетъ. Но едва-ли изъ ея устъ должно ожидать и суровыхъ порицаній по адресу безпріютной, съ подведенными отъ голода желудками, молодежи!

Школьные порядки и обычаи, существовавшіе въ древней нашей Академіи, съ особенною обстоятельностію изложены преосв. Евгеніемъ въ приложеніяхъ къ извѣстному его труду—„Описанію Кіево-Софійскаго собора" [62]). Я не буду утомлять Ваше вниманіе подробнымъ перечисленіемъ этихъ порядковъ и обычаевъ. Отмѣчу наиболѣе существенное.

Учебный годъ въ Академіи начинался около 1-го сентября, заканчивался въ первыхъ числахъ іюля. Занятія были до-обѣденныя и послѣ-обѣденныя. Въ *низшихъ* классахъ („школахъ") для провѣрки заданныхъ наставникомъ уроковъ назначались способнѣйшіе воспитанники тѣхъ же классовъ съ присвоеніемъ имъ названія *аудиторовъ*. Они, до прихода

наставника, обязаны были выслушивать уроки своихъ товарищей и заносить въ особыя тетради (Notata, Errata) свѣдѣнія о степени ихъ познанія, отмѣчая противъ каждаго имени: *scit,* или *nescit, erravit, non tota, prorsus nescit,* и т. п. Самый лучшій по успѣхамъ ученикъ выслушивалъ самыхъ аудиторовъ, почему и назывался *auditor auditorum.* По приходѣ въ классъ наставникъ просматривалъ нотаты и провѣрялъ занесенныя въ нихъ отмѣтки, вызывая нѣкоторыхъ учениковъ для отвѣтовъ,—послѣ чего дѣлалъ объясненія для слѣдующаго урока. По субботамъ были генеральныя провѣрки всего пройденнаго въ теченіе недѣли *(sabbativa).* Обычно къ этому времени пріурочивались и наказанія за лѣность. Въ классѣ ученики садились на опредѣленныя имъ мѣста: лучшіе занимали передніе столы—передъ наставникомъ (это былъ *senatus*); другіе—средніе; худшіе—задніе. Чтобы возбудить въ юныхъ питомцахъ соревнованіе, дозволялось на задаваемыхъ письменныхъ упражненіяхъ *(екзерцщіяхъ, оккупаціяхъ)* дѣлать надписи или прилагать особыя записки, съ выраженіемъ желанія конкурировать съ указываемыми товарищами *de calligraphia, de diligentia, de loco,* и т. п. Съ цѣлію пріучить достаточно ознакомившихся съ латинскимъ языкомъ питомцевъ постоянно говорить между собою на этомъ языкѣ, въ грамматическихъ классахъ вводился въ обращеніе такъ называемый *calculus*—длинный, вкладывавшійся въ небольшой деревянный футляръ, листъ. Этотъ calculus, тщательно скрываемый, передавался отъ одного ученика къ другому за отвѣты не на латинскомъ языкѣ или и по-латыни, но съ ошибками. Считался нерадивѣйшимъ тотъ, у кого calculus оставался на ночь, что и отмѣчалось на немъ: *pernocavit apud dominum* (такого-то).

Въ среднихъ и высшихъ классахъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ успѣшному усвоенію воспитанниками изучаемыхъ предметовъ, а также развитію въ нихъ діалектическихъ способностей служили диспуты. Они были частные,

такъ сказать, домашніе и публичные. Первые бывали довольно часто, почти еженедѣльно, послѣдніе не менѣе двухъ разъ въ году и отличались торжественною обстановкою [63]). На нихъ присутствовалъ митрополитъ, собиралось духовенство, мѣстная знать и множество гражданъ. Диспутъ начинался рѣчью съ частыми обращеніями къ митрополиту, гетману и другимъ лицамъ, участливо относившимся къ Академіи (обращенія обычно состояли изъ благодарностей); затѣмъ указывался предметъ состязаній. Диспуты касались вопросовъ богословскихъ и философскихъ и обязательно велись на латинскомъ языкѣ. Участіе въ нихъ принимали лучшіе студенты, разумѣется старательно къ тому подготовленные подъ руководствомъ профессоровъ [64]). Не менѣе торжественными днями въ Академіи были такъ называемыя *майскія рекреаціи*. Къ этому времени профессоромъ поэтики или, подъ его руководствомъ, коллективно студентами составлялись комедіи, трагедіи и вообще драматическія произведенія (характера религіознаго), которыя гдѣ-либо за городомъ (обычно на Щекавицѣ и Глубочицѣ), при многочисленныхъ зрителяхъ и разыгрывались академическими воспитанниками. Иногда драматическія произведенія разыгрываемы были студентами и въ академическомъ зданіи и даже,—какъ есть основаніе предполагать,—*въ церкви* [65]).

Торжествами *религіозными* были братскіе праздники. Ихъ въ году было шесть: въ дни воспоминаній и чествованій—Богоявленія Господня, Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Трехъ Святителей, апостола Андрея Первозваннаго *(въ замѣнъ прежняго праздника въ честь Воздвиженія честнаго креста Господня)*, равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба [66]). Съ особенною торжественностію праздновалось Богоявленіе Господне—главный престольный праздникъ монастыря. Въ этотъ день было обычное хожденіе на рѣку для водоосвященія, привлекавшее массы народа, причемъ въ процессіи участвовали

и войска, снабженныя отъ казны „зѣльемъ для пальбы“ [67]). Къ означеннымъ праздникамъ монастырь имѣлъ право изготовлять, а въ самые праздники безпошлинно продавать *медъ* стекавшемуся къ торжествамъ народу [68]).—Изъ религіозныхъ церемоній (традиціонно продолжающихся до настоящаго времени) отмѣтимъ великопостныя пассіи, съ произнесеніемъ на нихъ проповѣдей, и торжественную панихиду въ день кончины (31 декабря) фундатора коллегіи митрополита Петра Могилы, обычно сопровождавшуюся похвальнымъ ему словомъ, произносимымъ однимъ изъ членовъ академической корпораціи [69]).—Для приданія бо́льшей торжественности богослуженію въ означенное время въ Академіи еще въ полной силѣ сохранялся слѣдующій, обязанный своимъ происхожденіемъ „братскимъ порядкамъ“ въ юго-западной Россіи, обычай: воспитанники „подъ часъ службы Божіей *на процесіи херувимской* (вѣроятно, и во время чтенія Евангелія) съ походнями (факелами) и свичами честно (на середину церкви) выходили“. Такъ же торжественно обставляемы были и „иншія процессіи и акты публичныя“ [70]).

Торжественною обстановкою *церковныхъ церемоній* имѣлось въ виду возгрѣвать въ сердцахъ питомцевъ тѣ религіозно-нравственныя, въ духѣ православія, начала, забота объ укрѣпленіи которыхъ съ самаго основанія коллегіи всегда стояла здѣсь на первомъ планѣ. По мысли основателя коллегіи, она имѣла своимъ назначеніемъ поднять не только умственный, но и *религіозно-нравственный* уровень южнорусскаго общества, должна была служить „утѣшеніемъ“ *православному* народу, представлять собою надежный оплотъ для *православной* церкви. Поэтому Петръ Могила заботился не только о томъ, чтобы въ основанной имъ коллегіи процвѣтали науки, но *въ особенности и прежде всего* („тымъ бардзѣй и надъ все“) желалъ, чтобы *благочестіе* („побожность“) въ сердцахъ молодежи было посѣяно и укрѣплено („засѣвано и вспаяно“). Съ этою цѣлію онъ самъ написалъ

обширное сочиненіе (Анѳологіонъ, 1636 г.), заключающее подробныя наставленія, какъ должны вести себя воспитанники дома, въ церкви, во время прогулокъ и т. п., какъ должны относиться къ обрядамъ и установленіямъ церкви, съ какимъ благоговѣніемъ приступать къ исповѣди и причащенію св. Таинъ, и т. п.—Разумѣется, въ этихъ наставленіяхъ рисуется поведеніе *идеальныхъ* питомцевъ; идеалы же, какъ извѣстно, рѣдко достижимы. Но о приближеніи къ этимъ идеаламъ Академія и въ разсматриваемое нами время (какъ и всегда) всемѣрно заботилась, доказательствомъ чего служатъ сохранившіеся отъ того времени катехизисы „содалесовъ", ихъ клятвенныя обѣщанія, поученія, инструкціи [71]), и т. п.

Перехожу къ вопросу, что въ образовательномъ отношеніи Академія давала своимъ питомцамъ?

Извѣстно, что фундаторъ кіево-могилянской коллегіи митрополитъ П. Могила устроилъ ее по образцу польскихъ коллегій, гдѣ въ основу обученія положенъ былъ латинскій языкъ и науки преподавались по схоластическому методу. Преподаваніе піитики и риторики сводилось къ фокусничеству въ стихоплетствѣ, діалектическимъ тонкостямъ и мишурному блеску по части древне-классической древности, не говоримъ уже о панегиризмѣ и сервилизмѣ, переходившихъ за столбы геркулесовы. Въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи Ѳома Аквинатъ. Тотъ обликъ, то устройство и направленіе, которые положены были П. Могилою при фундаціи имъ своей коллегіи, сохраняли въ ней свои основныя черты и въ разсматриваемое время. Правда, въ началѣ XVIII столѣтія, Ѳеофанъ Прокоповичъ,—этотъ „величайшій умъ своего времени",—внесъ было въ академическое преподаваніе новую струю [72]), но она скоро затерялась въ общемъ потокѣ. Объ учебныхъ недостаткахъ древней нашей

школы, какъ насквозь проникнутой схоластикою, говорилось и доселѣ говорится много, и недостатки эти сомнѣнію не подлежатъ. И при всемъ томъ заслуги этой школы въ дѣлѣ просвѣщенія были для своего времени весьма велики. При всѣхъ недостаткахъ, схоластическое образованіе того времени было все-таки въ своемъ родѣ *образованіемъ научнымъ* и открывало для даровитыхъ питомцевъ широкіе горизонты.

Школа давала своимъ питомцамъ основательное знаніе латинскаго языка, открывая тѣмъ широкую дверь въ сокровищницу тогдашней науки, почти исключительно сосредоточенной на этомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи древняя школа далеко оставила за собою школы нашего времени, несмотря на царящую (или, теперь можно уже сказать, *царившую*) въ нихъ классическую систему воспитанія.—Какъ, повидимому, ни безплодны были упражненія въ стихоплетствѣ и утонченномъ риторическомъ витійствованіи,—они не проходили безслѣдно для литературнаго развитія языка, хотя бы только въ стилистическомъ отношеніи; не говоримъ уже о томъ, что изученіе поэтики и риторики не обходилось безъ знакомства съ лучшими поэтическими и ораторскими произведеніями классической древности [73]).— Схоластикой вѣетъ отъ тогдашнихъ курсовъ философіи, но они имѣли громадное вліяніе на формальное развитіе учащихся: пріучали ихъ къ умственной работѣ, къ послѣдовательному мышленію, точнымъ опредѣленіямъ, отчетливости въ словахъ.—Схоластическіе пріемы, господствовавшіе въ богословскихъ курсахъ, давали возможность питомцамъ Академіи при борьбѣ съ латино-папскою наукою поражать ее собственнымъ ея оружіемъ, притомъ пріемы эти одушевляемы были жизненностію истины, тѣсно связаны были съ широкими свѣдѣніями по литературамъ свято-отеческой и церковно-исторической, хотя бы еще и недостаточно провѣренными научною критикою [74]).

Но важнѣйшею заслугою нашей Almae Matris въ научномъ отношеніи, съ самаго ея основанія, было то,

что она пробуждала въ обществѣ любовь къ просвѣщенію, уничтожала тупую ненависть ко всему иноземному и тѣмъ прокладывала дорогу къ дѣйствительному просвѣщенію, къ дѣйствительной наукѣ. Съ этой стороны посмотрѣлъ на кіевскую Академію и великій преобразователь земли русской Петръ I, реформы котораго совпали съ разсматриваемымъ нами періодомъ въ исторіи Академіи; и хотя преобразовательныя цѣли, преслѣдуемыя Петромъ Великимъ, его направленіе и образъ мыслей далеко не всегда согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей кіевскихъ ученыхъ, тѣмъ не менѣе онъ, и не безъ основанія, видѣлъ въ нихъ болѣе подготовленныхъ исполнителей своихъ предначертаній. Съ этого времени, съ самаго начала XVIII столѣтія, просвѣтительное вліяніе Академіи сильно расширяется, постепенно распространяясь и на Русь сѣверную. Кіевскіе ученые постоянно вызываются въ Москву, а затѣмъ Петербургъ, и имъ даются самыя разнообразныя порученія [75]); наиболѣе же талантливыхъ изъ нихъ царь ставитъ въ самыя близкія къ себѣ отношенія и вручаетъ имъ наиболѣе отвѣтственные іерархическіе посты. Прибывшій въ Москву (1700 г.) Стефанъ Яворскій, по распоряженію Петра, прямо поставляется митрополитомъ и назначается мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Ѳеофанъ Прокоповичъ, обратившій на себя вниманіе государя, въ бытность его въ Кіевѣ, блестящею проповѣдью, вызывается въ Петербургъ и возводится въ санъ епископа. Съ этого времени онъ является самымъ неутомимымъ истолкователемъ передъ обществомъ Петровыхъ реформъ. Талантливое и бойкое перо Ѳеофана всегда было въ полномъ распоряженіи Петра. Одна изъ важнѣйшихъ реформъ того времени, составившая эпоху въ исторіи нашей Церкви—учрежденіе Св. Синода,—реформа эта выношена была Ѳеофаномъ и проведена была при самомъ живомъ и дѣятельномъ его участіи. Вообще, на открывавшіяся архіерейскія мѣста обычно стали возводиться представители кіевской учености, а такъ

какъ на архіереевъ того времени возлагалась обязанность заводить при каѳедрахъ школы и они постепенно заводились то, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшія изъ нихъ устремился широкій потокъ кіевскихъ питомцевъ, который, развѣтвляясь, проникъ въ самыя отдаленнѣйшія окраины нашего отечества. „Изобиловала всегда—писалъ въ 1739 году смоленскій епископъ къ кіевскому архіепископу, прося у него прислать учителей изъ Академіи въ свою епархію—изобиловала всегда учеными людьми Академія Кіевская, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила“ [76]).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Высокомонаршая грамота 1701 года, съ упоминанія о которой мы начали свою рѣчь, дана нашей Almae Matri, когда она вступила въ 86-й годъ своего существованія. Присоединивъ къ этому начальному періоду ея исторіи двухсотлѣтіе, протекшее со времени выдачи означенной грамоты, мы увидимъ, что наша Академія находится почти наканунѣ многознаменательнаго для нея,—и не только для нея одной, но и для всей Россіи,—наканунѣ многознаменательнаго свѣтлорадостнаго событія *юбилея трехсотлѣтняго существованія*.

Длиненъ путь пройденный Академіею; не всегда совершался онъ при одинаково благопріятныхъ условіяхъ, не всегда съ одинаковыми силами; но всегда онъ направляемъ былъ къ одной цѣли—дать юношеству, сообразное съ воззрѣніями времени, просвѣщеніе и, что главное, *просвѣщеніе въ духѣ православія*.

Длиненъ путь, пройденный Академіею, но и сѣмена, посѣянныя при немъ, были обильны. Правда, многія изъ нихъ, не имѣя жизненныхъ зародышей, тотчасъ же и погибали; но многія, возрастая, приносили и продолжаютъ приносить неоскудѣвающіе плоды. Еще при жизни своего фундатора коллегія дала намъ систематическое изложеніе православнаго ученія, послѣ нѣкоторыхъ исправленій на ясскомъ соборѣ, сдѣлавшееся символическою книгою всей православной церкви; дала намъ прекрасное церковно-литургическое сочиненіе, обнаружившее въ ея составителяхъ обширное знакомство съ свято-отеческою литературою; дала, наконецъ, нѣсколько полемическихъ сочиненій, не потерявшихъ значенія до настоящаго времени.—На рубежѣ XVII—XVIII вв., появляется, при нѣкоторомъ участіи бывшихъ коллегіатовъ, но преимущественно составленное трудами бывшаго питомца коллегіи, *безсмертное произведеніе*, доставившее русскому благочестію неистощимый источникъ спасительнаго чтенія, а его автору (святителю Димитрію Ростовскому) такую „всероссійскую извѣстность, какой никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни *до* ни *послѣ* него“.—Не перечисляю другіе многочисленные духовные литературные плоды, возращенные трудами родственныхъ Академіи лицъ.

Длиненъ путь, пройденный Академію, но за то и сколь многіе изъ шествовавшихъ по этому пути, своею плодотворною дѣятельностію на пользу церкви и отечеству, увѣковѣчили въ потомствѣ свое имя! Уже стѣны сей обширной залы, отъ верху до низу увѣшанной портретами преимущественно бывшихъ наставниковъ и питомцевъ Академіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя здѣсь мы видимъ только незначительную часть лицъ, достойныхъ такой чести.

Но несмотря на столь продолжительное, славное „особенными заслугами для церкви и отечества“, вообще чреватое событіями прошлое нашей Академіи, она доселѣ еще

не имѣетъ *обстоятельной, строго научной исторіи.* Поэтому нашъ глубокоуважаемый отецъ ректоръ, преосвященный Димитрій, въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея нашей Almae Matris, выразилъ пожеланіе, чтобы подготовительныя научныя работы къ сему многознаменательному торжеству постепенно были начаты, имѣя въ виду, съ одной стороны, приведеніе въ извѣстность возможно бо́льшаго количества данныхъ, *уясняющихъ прошлое нашей Академіи*, а съ другой—научную провѣрку того, что вошло, въ качествѣ предположеній или утвержденій, въ историческіе труды о Кіевской Академіи, такъ какъ безъ такихъ предварительныхъ работъ *невозможна полная научная ея исторія*, а между тѣмъ, само собою понятно, составленіе послѣдней *есть первѣйшая обязанность*, возлагаемая на академическую корпорацію предстоящимъ юбилеемъ.

Пожеланіемъ успѣха въ этихъ благихъ предначинаніяхъ, а также добрымъ пожеланіемъ дожить намъ, здѣсь присутствующимъ, до свѣтло-радостнаго дня—трехсотлѣтія нашей Академіи,—я и заканчиваю свою рѣчь.

Примѣчанія.

[1]) Акты Ю. и З. Р. т. IV, № 93.—Подробнѣе: Москов. Архивъ Министерства Юстиціи. *Столбцы Малорос. приказа.* № 5921, л. 354 и слѣд.—Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что кіево-могилянская коллегія «пострадала» отъ пожара еще *въ августѣ 1651 года,*—когда, во время нашествія на Кіевъ литовскаго гетмана Радзивилла, «Кіево-Подолъ былъ выжженъ»,—послѣ чего коллегія якобы «и опустѣла» (Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка». Проф Н. И. Петрова. Кіевъ,

1895 г., стр. 24—24). Но мнѣніе это не оправдывается историческими данными. *17 августа 1651 года,* какъ видно изъ лѣтописи *современника,* на Подолѣ сгорѣло 200 домовъ и слѣдующіе церкви и монастыри: *Пречистенская* (Успенская) на рынкѣ, *Николы Добраго, Флоровскій дѣвичій монастырь* и *Бернадинскій кляшторъ* (Latopisiec Ierlicza, Warszawa, 1853 г. I. 126.—Извлеченіе изъ него см. въ Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. I, стр. 42—43).

Любопытныя замѣтки о *тогоѵременномъ* (до пожара 1658 года) состояніи кіево-братскаго монастыря находятся у Павла Алеппскаго въ его *Описаніи путешествія въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія,* два раза—на пути въ Москву и на обратномъ пути оттуда—останавливавшагося въ Кіевѣ (въ 1654 и 1656 г.г.). Въ недавнее время сдѣланъ прекрасный переводъ означеннаго Описанія съ *арабскаго подлинника* проф. Г. Муркосомъ. Замѣтки Павла Алеппскаго о кіево-братскомъ монастырѣ см. во II выпускѣ (Москва, 1897 г.) перевода г. Муркоса на стр. 78—79.

[2]) См. первое изданіе *Ключа Разумѣнія* (кіевское, 1659 г.), л. 253 об.

[3]) О гоненіяхъ, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ на Іоанникія Галятовскаго, упоминается въ челобитной послѣдняго на имя государя, отъ 27 іюля 1669 года (по возвращеніи Галятовскаго въ Малороссію, гдѣ ему Лазаремъ Барановичемъ предоставлена была Черниговская архимандрія). «Упадаючи лицемъ—читаемъ въ означенной челобитной—до лица земли предъ престоломъ Вашего пресвѣтлаго царскаго Величества, прошу о прощеніе, же выѣхалемъ былъ з Кіева *нужды ради и скорби моей великой, понеже отецъ Меѳодій зѣло мене оскорбилъ и гонилъ,* Христосъ же Спаситель нашъ рече: «егда же гонятъ васъ въ градѣ семъ, бѣгайте въ другій»; сего ради и азъ, въ градѣ Кіевѣ гонимъ, изыдохъ до Львова, идѣже обитая, книзи печатовалемъ: *Ключъ Разумѣніа* и *Небо новое,* и за помощію Божіею сіе дѣло, церкви Восточной полезное, совершилемъ; сего же дѣла въ Кіевѣ, ради скорби моея великои, невозможно было мнѣ съвершити.

Послышавши же, яко не обрѣтается въ Кіевѣ отецъ Меѳодій, *азъ въ Кіевъ градъ паки возвратихся*, желая подъ державою пресвѣтлаго Вашего царского Величества жити и умрѣти»... и проч. (Рукоп. библіотеки Импер. Общ. Исторіи и Древ. Рос. при Москов. Универ. № 92; а также Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос.*, № 5581, л.л. 695—691 (счетъ л.л. перепутанъ). Болѣе исправенъ, точнѣе, менѣе подновленъ списокъ Общества).

Историки Кіевской Академіи, поставляя удаленіе Іоанникія Галятовскаго изъ Кіева въ связь съ разореніемъ, которому якобы подверглась кіево-могилянская коллегія *въ 1665 году* (чего, въ данное время, на самомъ дѣлѣ не было; см. доказательства въ «Очеркахъ изъ исторіи Малороссіи XVII в.». В. О. Эйнгорна, стр. 323),—пріурочивали это удаленіе къ означенному году, даже ко *второй его половинѣ* (см. выше цитованное сочиненіе Н. И. Петрова, стр. 29). Но это удаленіе, безъ сомнѣнія, должно быть относимо ко времени болѣе раннему. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія данныя и соображенія. Извѣстно, что *Ключъ Разумѣнія* Галятовскаго изданъ былъ трижды: въ 1659 году въ Кіевѣ и въ 1663 и 1665 г.г. во Львовѣ. Львовское изданіе 1663 года (Слѣзки) есть перепечатка кіевскаго изданія, снабженная только обычнымъ посвященіемъ (луцкому епископу Гедеону Четвертинскому) отъ издателя. Но третье изданіе Ключа Разумѣнія, вышедшее въ 1665 году, во время пребыванія во Львовѣ Галятовскаго, *гораздо полнѣе предшествующихъ*, о чемъ даетъ знать самое его оглавленіе: «Ключъ... и проч. *з поправою и придаткомъ*»... Эти придатки, увеличивая третье изданіе Ключа на $^1/_3$ противъ прежнихъ изданій, состоятъ преимущественно въ присовокупленіи значительнаго количества новыхъ поученій, въ новой редакціи *науки о сложеніи казанья* и привнесеніи новаго отдѣла о чудесахъ Богородицы. Подобный трудъ требовалъ не мало времени и, безъ сомнѣнія, въ бо́льшей своей части есть плодъ занятій Галятовскаго во Львовѣ (нѣкоторыя новыя проповѣди, надо полагать, вызваны мѣстными храмовыми праздниками, каковы, напр., *двѣ* проповѣди на день св. великомученника Георгія, *памяти котораго былъ посвященъ каѳедральный храмъ во Львовѣ*).—Затѣмъ, львовское изданіе Ключа Разумѣнія 1665 г. снаб-

жено было отъ автора посвятительною «предмовою» львовскому епископу Аѳанасію Желиборскому. Предмова эта тоже свидѣтельствуетъ о довольно уже продолжительномъ пребываніи Іоанникія Галятовскаго во Львовѣ и притомъ не лишена нѣкоторыхъ фактическихъ указаній, имѣющихъ важное значеніе для выясненія положенія Галятовскаго за указанный періодъ его жизни (періодъ, по словамъ его біографа «темный въ томъ смыслѣ, что объ немъ почти ничего неизвѣстно»). Расточая, въ духѣ того времени, похвалы Желиборскому и, между прочимъ, упомянувъ объ его любви къ ближнему, Галятовскій (въ указанной предмовѣ) говоритъ о себѣ: «и я самъ дознамемъ (сей любви), гды подъ часъ небезпечный, подъ часъ внутреннеи войны домовои въ отчизнѣ нашой, мнѣ, отъ небезпеченства уходячему, не тылко въ Епархіи, але въ келіи своей мешканье далесъ, гды на сеймѣ Варшавскомъ, предъ наивысшымъ канцлѣромъ коронным, и въ Львовѣ, предъ ясневелможнымъ воеводою рускимъ, добрыми словы мене припоминалесъ, гды въ намѣренномъ, а теперь ужъ совершенномъ дѣлѣ, на хвалу Велможному имени Бозскому и Родителцѣ (sic!) и Святымъ Божимъ руку помощи мнѣ подалесъ»...

На основаніи сказаннаго можно полагать, что Галятовскій выѣхалъ изъ Кіева вскорѣ послѣ извѣстной Бѣлоцерковской бесѣды съ іезуитомъ Пекарскимъ и прибылъ въ Львовъ, если не въ концѣ 1663 года, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ слѣдующаго.—Мы сказали, что Львовское изданіе Ключа Разумѣнія 1663 года сдѣлано было Слёзкою (извѣстнымъ типографомъ). Не знаемъ, было ли Слёзкою испрошено у автора разрѣшеніе перепечатать его книгу или (что имъ дѣлалось нерѣдко) нѣтъ,—во всякомъ случаѣ *самый фактъ* изданія *Ключа во Львовѣ* (1663 г.) можетъ служить, до нѣкоторой степени, объясненіемъ, почему Галятовскій, вынужденный бѣжать отъ гоненій Меѳодія, *направилъ свои стопы въ означенный городъ*.

[4]) Акты Ю. и З. Р. т. VI, № 34.

[5]) Москов. Арх Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос. приказа*, №№ 5582, 5921.

[6]) А. Ю. и З. Р. VI. № 34

[7]) Ibid.

[8]) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ 1865 г. (письмо 30). «Я въ восторгѣ—писалъ Барановичъ кіевскимъ коллегіатамъ—отъ *единодушнаго избранія*, на которомъ Духъ Святый послалъ Вамъ свои языки на пречестнаго отца Ясинскаго,—плодоносную вѣтвь моего винограда. Поздравляю его вашимъ ректоромъ. Въ немъ вы нашли сокровище, скрытое въ полѣ»... и т. д. Издатель относитъ это письмо къ 7 янв. *1668 года*. Безъ сомнѣнія, онъ введенъ былъ въ заблужденіе *опечаткою*, вкравшеюся въ «Краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ»... и проч, напечатанное въ *прилож.* къ «Описанію Кіево-Софійскаго собора» преосв. Евгенія, гдѣ значится, что Варлаамъ Ясинскій избранъ былъ ректоромъ 13 ноября *1669 года* (слѣдуетъ читать: *1665 года*), подобно тому, какъ введены были этою опечаткою въ заблужденіе и историки Кіевск. Академіи преосв. Макарій и В. Аскоченскій [1]), хотя опечатка легко могла быть исправлена на основаніи того же труда преосв. Евгенія (см. 208 страницу Описанія Кіево-Соф. собора, гдѣ говорится, что Варлаамъ Ясинскій былъ ректоромъ кіево-могилянской коллегіи съ *1665 года*). Преосв. Евгеній, *съ точностію* (съ обозначеніемъ *мѣсяца* и *числа*) указывая на время избранія на ректуру Ясинскаго, очевидно, пользуется спискомъ ректоровъ, префектовъ и преподавателей Академіи, составленномъ во второй половинѣ XVIII вѣка (во время ректорства Самуила Мислављскаго). Въ настоящее время часть этого списка (за XVII столѣтіе) напечатана въ *прилож.* къ сочиненію проф. Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 129—133). Хотя списокъ этотъ, не говоря о существенныхъ пробѣлахъ, переполненъ крупнѣйшими ошибками и довѣрчивое пользованіе имъ можетъ при-

[1]) Преосв. Макарій относитъ начало ректуры Ясинскаго *къ 1669 году*, а В. Аскоченскій и издатель писемъ Барановича *къ 1668 г.* Разногласіе произошло отъ того, что послѣднимъ двумъ извѣстна была напечатанная въ Памят. Кіев. Коммис. грамота, данная В. Ясинскому, *какъ ректору* коллегіи, *25 апрѣля* 1669 г.

нести (и принесло) болѣе вреда, чѣмъ пользы,—тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ относительно ректуры Ясинскаго, носятъ слѣды документальности, а потому и достовѣрности. Объ избраніи на ректуру Ясинскаго здѣсь говорится слѣдующее: «Игуменъ братскаго кіевскаго монастыря и ректоръ Варлаамъ Ясѣнскій избранъ *отъ всего консистору митрополіи кіевскія 1665 года ноября 13 дня.* Произведенъ игуменомъ и ректоромъ отъ Меѳодія Філімоновича, епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, блюстителя каѳедры Митрополітанской Кіевской, *1666 года генваря 6 дня*». Что *въ началѣ 1666 года* В. Ясинскій дѣйствительно былъ уже ректоромъ Академіи, это подтверждается тоговременными документальными данными. Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, всегда участливо относившійся къ кіево-могилянской коллегіи, *29 февраля 1666 года* писалъ своему «куму и добродію» гетману Брюховецкому: «Благодареніе Богу, что, пріѣхавъ въ Кіевъ, услышалъ и увидалъ потѣшную новину въ монастырѣ Братскомъ, въ которомъ, чтобы искра та не угасла и сѣмя не было искоренено... къ наставленію дѣтемъ православно россійскимъ, обрали на правительство человѣка отъ людей добрыхъ и почтеннаго, отца Варлаама Ясинскаго, *который уже знатно почалъ строение въ монастыре братцкомъ исправляти и людей ученыхъ на мастерство прибирати,* только не имѣетъ достойнаго корму на мастеровъ и на поновленіе монастыря». (Далѣе слѣдуютъ просьбы о воспособленіи монастырю и коллегіи и высказывается пожеланіе, чтобы гетманъ явился вторымъ ктиторомъ сихъ учрежденій, еще бо́льшимъ, чѣмъ какимъ, въ свое время, былъ гетманъ Сагайдачный). См. Москов.Арх.Минист. Юстиціи.*Столбцы Малорос. Приказа*, № 5872. Тамъ же находится коллективная челобитная государю кіевскаго духовенства, отъ *4 марта 1666 года*, о дозволеніи избрать митрополита, подписанная между прочими, «*ректоромъ и игуменомъ Брацкимъ*» Варлаамомъ Ясинскимъ.

Въ рукописномъ сборникѣ Московской Синодальной Типографской библіотеки подъ № 390 (прежніе №№ 442, 3792) находится, на ряду съ доселѣ неизвѣстными письмами Симеона Полоцкаго къ Варлааму Ясинскому и другимъ представителямъ кіевской учености, поздравительное письмо Ясинскому съ *избра-*

ніемъ сіо на ректуру. По обыкновенію витіевато выражая свою радость по этому случаю, Полоцкій упоминаетъ, что Ясинскій (о чемъ, надо полагать, извѣстилъ его самъ онъ или прибывшій въ Москву, въ 1666 г., кіево-кирилловскій игуменъ Мелетій Дзикъ) былъ *fugax* означеннаго званія. Переносясь мыслію къ положенію новаго ректора и сравнивая оное съ своею жизнію въ Москвѣ (куда уже переселился на жительство) Полоцкій пишетъ: «Szczesliwyś Wmć, miedzy takowemi żyiąc, z ktoremi depostum sapientiae cibum zawsze ruminować możesz; ia biedny, lubo iako inter densas silvas w mnostwie krorych widzę chodiaszczych, mieszkam, iednakże arborem Porphirianam nie tylko speculari nie mogę, ale y słyszeć o niey zaledwie się godzi» (л. 109 об.).

[9]) Памятники, изд. кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Изданіе 1898 г. съ дополненіями т. II, №№ XXIX, XXX.

[10]) В. Ясинскій обращался съ просьбами о пособіяхъ коллегіи и монастырю: къ московскому патріарху (Московская Синод. Библ. *Славянскія грамоты*, №№ $^{28}/_{2}$ и 31; первая грамота датирована 23 янв. 1670 г.. вторая—12 янв. 1671 г.; обѣ заключаютъ прошенія «пожаловать» кіево-братскую «нищетную» обитель «и своею милостынею и словомъ ходатайственнымъ до его царскаго пресвѣтлаго Величества»), къ малороссійскому гетману Многогрѣшному, кіевскому полковнику Дворецкому, черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос.*, № 5921), Симеону Полоцкому (Московская *Типогр.* Синодал. Библіотека, № 390, л. 108 и др.) и вообще ко всѣмъ «начальствующимъ и христолюбивымъ людемъ» (Памятники, изд. кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXX, см. также ibid. № XXVII, гдѣ помѣщено письмо кіевск. митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго къ ректору В. Ясинскому съ заявленіемъ объ уступкѣ въ пользу коллегіи мѣстечка Стаекъ съ перевозомъ, что, безъ сомнѣнія, было вызвано петиціею ректора).

[11]) Въ началѣ 1670 года отправлено было въ Москву отъ нѣкоторыхъ кіевскихъ монастырей многочисленное посольство,

въ томъ числѣ и отъ кіево-братскаго училищнаго. Отъ послѣдняго посланы были (точнѣе *прибыли* въ Москву): «іеромонахъ Гілевскій префектъ и маистеръ школъ кіевскихъ, іеромонахъ Поліеуктъ уставникъ и маистеръ, монахъ Антоній екклессіарха, монахъ *Генадій*, да служки трое» (изъ собственноручнаго челобитья Гилевскаго къ государю «о кормѣ»; см. въ Москов. Архивѣ въ Минист. Юстиціи *столбцы Малорос. приказа*, № 5921, л. 231. Изъ помѣщаемой ниже (въ извлеченіяхъ) челобитной В. Ясинскаго видно, что предположенный сначала составъ посланцевъ впослѣдствіи былъ нѣсколько измѣненъ). Посланцы снабжены были просительными письмами къ государю отъ разныхъ лицъ,—именно, отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, недавно передъ тѣмъ (въ сентябрѣ 1669 года) останавливавшагося на пути изъ Москвы въ Кіевъ и въ это время посѣтившаго кіево-братскій монастырь, кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Гизеля, ректора Варлаама Ясинскаго, гетмана и другихъ.

«Смиреніе наше—читаемъ въ грамотѣ патріарха, датированной *20 сент. 1669 г.*,—достигши отчины Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, богоспасаемаго града Киева, и благодареніе Богу воздавши въ соборной митрополіи Киевския церкви Премудрости Божия, се есть святыя Софіи, прежде иныхъ монастырей и церквей посетихомъ обитель премудростнаго ученія, Ставропигіонъ патриаршеское, монастырь святый Братскій киевскій Богоявленскій, благоразумный, искусный и общежительный, идѣже от премудрых учителей і труждающихся въ православномъ ученіі юностнаго возраста и проповеди слова Божия, с наставникомъ и многотруднымъ ректоромъ, да игуменомъ братскимъ, Варлаамомъ Ясинскимъ многолюбезныі привѣ[тствія] пастырству нашему зело благоугодне воспрія[хомъ] с представлениемъ намъ учениковъ ихъ доволны[ми] премудрыми рыторскими словесы насъ благопривѣгствующихъ, о чесомъ зело радостнымъ сердцемъ Бога благодарихомъ, яко вторые здѣ Афины, вмѣсто оных грѣческихъ древнихъ, в Росіі воздвиже, тщаниемъ блаженныя памяти преосвященного митрополита киевского киръ Петра Могилы на укрепленіе и утвержение православно восточныя вѣры, к защищению еи отъ близъ сущихъ

имъ иновѣрныхъ. О семъ же вмѣсто благодарствия нашего вопросихомъ учителей тѣхъ богомудрыхъ, аще чесо от смирения нашего требуютъ, яко наше сущее дѣло исправляющиі (sic!), понеже, по апостолу, подобаетъ епископу быти учителну, якоже и, по пророку, архипастырь нашъ премудрый самъ Господь глаголетъ: дамъ вамъ пастырей по сердцу моему, иже упасутъ васъ разумомъ и ученіемъ. Паче же, яко и сами видѣхомъ, велия в нихъ оскудѣния и сожжения во время брани ихъ великия церкви святых Богоявленій и другия Благовѣщения Пресвятыя Богородицы, такожде училищъ и всего монастыря. Тѣмъ же молитствующимъ имъ смирения нашего о ходатйство вашему царскому пресвѣтлому Величеству в нужде, в скудости и въ ихъ убожествахъ толь тяжкихъ, яко близкимъ быти ко престанію от того ученія, церкви Божіей благопотребнаго, но и ко оставленію самые службы Божия и богомолия за ваше царское пресвѣтлое Величество,—дерзаемъ ходатайственная о нихъ моленія наша смиренная къ пребогатой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносити: пожалуй, благомудрый царю, милостынею своею всещедрою собрание то премудростное, во еже создати имъ церкви, училища и монастыръ, и питатися имѣти чѣмъ; они же купно с нами до дне жизни своея отработывати должны будутъ всегдашними молитвами, с ними же и мы со благословеніемъ архиерейскимъ превеликой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества смиренно себе вручаемъ». (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921. лл. 264—266).

Челобитная Иннокентія Гизеля (датированная 23 генваря 1670 года) начинается «смиреннымъ благодареніемъ» архимандрита «со всею о Христѣ братіею» за «премногая благодѣяния, подаваемая отъ царскаго пресвѣтлаго Величества обители Печерской Киевской». Затѣмъ идутъ рѣчи о кіево-братскомъ монастырѣ. «А понеже—пишетъ Гизель—попечению моему врученъ духовницею и остатнею волею отъ отца въ Духу моего, блаженныя памяти преосвященнаго митрополита Петра Могилы, великаго ревнителя церкви Божея, и монастырь, созданный отъ него, братскій кіевскій Богоявленскій, бывый съ двоими храмами

Божіими, Богоявленія Господня и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и с школами учителными, ими же христіянскимъ юношамъ благоугодное ученіе і всѣмъ православнымъ утвержденіе преподается, гонителямъ же вѣры каѳолическия и волкомъ, хулникомъ стада Христова, отгнание и постыждение бываетъ, а церкви Божіей украшение и хвалы его святые примножение происходитъ; сей же толико благопотребный учителный монастырь, въ немъ же и азъ благодатиею Божиею потрудихся, нынѣ до послѣдняго оскудѣния. чрезъ лютость различныхъ ратныхъ приходитъ, въ немъ же и церкви обои сожжены и деревня ихъ, юже едину токмо имѣша, разорена, а найпаче нынѣ отъ богомерзкихъ бусурманъ татаръ, иже отнюдь хлѣба ихъ и всего пропитания лишиша, а обаче многотрудная въ немъ о Христѣ братия, ни пищи ниже одежды имуще, священницы и проповѣдницы Слова Божія, доселѣ отъ богоугоднаго своего труда не престаютъ, но, сами алчни и жадни суще, юношъ православныхъ млекомъ разума воспитываютъ, и брашномъ ученія ко творенію воли Божіей утверждаютъ, и всѣхъ въ вѣрѣ святой православной каѳолической глаголомъ Божіимъ укрѣпляютъ, ниже служение церковное и моление за Ваше царское пресвѣтлое Величество оставляютъ, уповающе несумнѣнно на могущую ихъ отъ того послѣдняго оскудѣния и падения воздвигнути ревностную, ко умножению хвалы Божея чрезъ учение православное, неоскудную Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества милость, пачеже обѣщанную имъ въ грамотѣ жалованной, юже за моего еще въ томъ монастырѣ настоятельства дати имъ богомудрый и великомилостивый монархъ изволилъ еси, повелѣвая самъ пріѣзжати или присылати имъ во нарекованное время (еже уже и прейде) ко всещедрой ти деснице по милостыню; дерзающимъ убо нынѣ имъ приступати с челобитьемъ ко престолу благодати Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, дерзаю и азъ ходатайственное о нихъ смиренное моленіе мое до Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносить, яко да пріймутъ милость и благодать обрящутъ»... и проч. (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа,* № 5921, лл. 271—274).

Челобитная самаго Варлаама Ясинскаго обильнѣе фактическими данными, но такъ какъ они съ бо́льшею обстоятельностію изложены въ ниже помѣщаемомъ документѣ, то мы ограничиваемся здѣсь только наиболѣе характерными (преимущественно въ литературномъ отношеніи) выдержками изъ нея. «На поклоненіе»,—такъ, по титулѣ, начинается челобитная,—«ко небесному родшуся Царю, богатому по милости Богу, во Виѳлиемъ, въ домъ хлѣба, свѣтлая привела волхвовъ звѣзда: ко премилостивому же царю земному, Вашему царскому пресвѣтлому Величеству, свѣтящая Божему миру Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества прещедрая милостыня, горящая любовію ко Богу и ко благолѣпію дому Его, паче же изобразителная намъ въ грамотахъ царскихъ жалованныхъ приводитъ здѣ, въ домъ препитания нищихъ, нашу худость, иже, падше, поклоняемся Вашему царскому пресвѣтлому Величеству (чрезъ сіе смиренное наше челобитье) отъ упадающаго за скудость и послѣднее разорение монастыря нашего, сущаго подъ именемъ Троическаго поклоненія, Богоявленскаго киевскаго Братскаго, всей церкви святой Православной Восточной нужднаго, оть блаженные памяти преосвященнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы ко ученію благопотребному на защищение православныя вѣры отъ близъ сущихъ иновѣрныхъ основаннаго,—на его же болѣзненное паденіе сице предъ Вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ сѣтуемъ: яко защититель обители нашея Богоявления самъ исъ крестивыйся во Иерданѣ нагъ обретается, чрезъ немалое уже время сѣтуя на насъ: *яко наіъ есмь, и не одѣясте мя; странень есмь, і въ домъ церкви не введосте мя,*—и яко се Сынъ Человѣческій не имать гдѣ главы преклонити; понеже за сожженіемъ града Киева, во время брани при боярине и воеводѣ кіевскомъ при Васильѣ Борисовичѣ Шереметеве, сожжена есть намъ великая соборная благоукрашенная церковь Богоявления Господня, при ней же и другая церковь Благовѣщение Пресвятые Богородицы со всѣми сосудами церковными и ризами, и весь монастырь со училищами сожженъ, яко разве въ трапезномъ маломъ каменномъ оставшемъ предѣле Божественную службу и моление за Ваше царское пресвѣтлое Величество бѣ-

дне совершаемъ, не имуще гдѣ и іконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы Вышегородскія, казнившея исдревле на Днепрѣ татаръ и много иныхъ чудесъ творящея, угодно поставити»... Указавъ затѣмъ на другія бѣдствія, испытанныя за послѣднее время кіево-братскимъ монастыремъ, В. Ясинскій продолжаетъ: «Того ради, якожъ самъ крестивыйся Христосъ Богъ нагъ явлься на рецѣ Иерданстей, разве покрывшеся сѣнию крылъ Духа Святаго голубиныхъ, сице и монастырь нашъ Богоявленскій, обнаженный отнюдь, являющеся при рекахъ слезныхъ, неимый и нагъ, притекаетъ разве подъ сѣни крылъ орлихъ Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, і в крове крылу милости твоея ужъ обѣщанное въ грамотахъ, данныхъ намъ жалованныхъ, надѣется, и слезно челомъ бьетъ чрезъ сие плачевное писание и чрезъ нашихъ посланныхъ со всечестнымъ иеромонахомъ Феодосіемъ Васковскимъ, игуменомъ Межигорскимъ кіевскимъ, *нашимъ же намѣстникомъ бывшимъ, проповѣдникомъ и учителемъ,* чрезъ иеромонаха Виктора префекта и учителя школнаго, си есть начальника училищъ и самаго учителя, иеромонаха Полиевкта уставника и учителя, и монаха Антонія еклизіарха, и монаха Епадіа крылошанина и іконома и слугу монастырскаго Ѳеодора Поповскаго. Блаженъ еси, премилостивый царю, разумѣвая на нища и убога...» и т. д. (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа,* № 5921, лл. 345—350).

Петиціи, съ которыми обратились къ государю посланцы отъ кіево-братскаго монастыря, были многочисленны. Изъ челобитной на имя государя, составленной въ *Малороссійскомъ приказѣ* на основаніи инструкцій, данныхъ въ Кіевѣ (притомъ челобитной *еще не вполнѣ сохранившейся)* видно, что «великому государю» кіево-братскіе уполномоченные били челомъ о слѣдующемъ:

«Во время воеводства боярина Василья Борисовича Шереметева въ ихъ монастыре церкви Богоявления Господня, да другая Благовѣщения Пресвятыя Богородицы погорѣли со всею утварю церковною и с ризы, и колоколня с колоколы, и часовня с часы, весь монастырь с кельями и со училищами.

Во время воеводства князя Юрья Никитича Борятинскаго приготовлено было у нихъ на создание церквей и монастыря нѣсколько тысячъ лѣсу и на училища, и тотъ весь лѣсъ князь Юрій Никитичь у насъ взялъ на городовое строение и на колодези, а обѣщался отдать намъ великаго государя жалованемъ, денгами, и того не исполнилъ, денегъ и лѣсу не отдалъ; и от тое то скудости и по се время великие церкви Богоявления Господня не построено и Благовѣщение Пресвятые Богородицы. И не имѣемъ гдѣ поставити иконы Пресвятые Богородицы Вышгородские, казнившие на Днепрѣ татаръ, хотящихъ пленити державу царскую. И великому государю бьетъ челомъ игуменъ Варлаамъ Ясинскій з братьею, чтобъ имъ за тотъ лѣсъ заплатить деньги, или чтобъ его великого Государя указъ в Киевъ къ воеводѣ посланъ былъ, чтобъ великого Государя ратные люди киевские имъ лѣсу вывезли на созидание церквей великия и малыя, и на строение монастыря и училища, какъ обещался имъ воздати именемъ государскимъ онъ князь Юрья Никитичь.

Да онъ же князь Юрья Никитичь ихъ монастырскую деревню Новоселки разграбилъ и разорилъ, а ихъ де отъ хлѣба лишилъ больше 1000 четвертей, и всякого скота и лошадей, такъ же и иныхъ неисчетныхъ движимыхъ вещей и украшеній церковныхъ.—Великому государю игуменъ Варлаамъ з братьею бьетъ челомъ о милостивомъ судѣ и о воздаяніи тѣхъ убытковъ.

Онъ же игуменъ з братьею бьетъ челомъ великому государю на пропитание монастырю в мѣсто разоренные деревни Новоселки, на сей сторонѣ Днепра о Муравске или о церкви пустой в Острѣ с угодями святаго Михаила.

Да онъ же игуменъ з братьею великому Государю бьютъ челомъ, чтобъ ихъ пожаловалъ своимъ великого Государя хлѣбнымъ жалованемъ отъ глада умирающихъ ис киевскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и о томъ въ Киевъ къ воеводѣ послать свой государской указъ, потому что нынѣшние зимы въ ихъ монастырской деревне Новоселкахъ татаръ 5 мурзъ стояло многое время и хлѣбъ весь, тамъ будучи на 1000 копъ въ снопахъ и

таково же число молоченово поѣли и коньми потравили, и всю скотину от насъ отобрали, и крестьянъ в полонъ поимали, и отнюдь де имъ до нового хлѣба пропитатца нѣчимъ, разве роспустить монастырь и учйлище.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игуменъ зъ братьею, чтобъ выкупить митру архиерейскую, которая в закладе печерском монастыре, а ту митру отказалъ имъ преосвященный митрополитъ Петръ Могила, строитель и основатель ихъ, и заложена та митра въ 7 тысячахъ золотыхъ полскихъ, а прямого долгу 3000 золотыхъ, а 4000 за 20 лѣтъ росту. Великій Государь пожаловалъ бы ихъ на окупъ того долгу 8000. И они, ту митру выкупя, имѣли бъ нужду и продать на пропитание монастырское, аще бы изволилъ и самъ великій Государь в свою Государскую казну заплатити.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игуменъ з братьею о сосудехъ церковныхъ, и о ризахъ, да о книгахъ о прологе во весь годъ, да минеі на августъ мѣсяцъ, потому что у нихъ то пограблено.

Бьютъ челомъ великому Государю о грамоте, чтобъ их монастырю скудному в помочь поволно было въ Киеве на посаде медъ ставити и продавать в тѣ праздники, ихъ же храми суть къ монастырю нашему, какъ описано отъ боярина Петра Васильевича Шереметева в памяти, от него данной намъ противу универсала Богдана Хмелницкого, какъ и инымъ священникомъ каноны сытить и продавать волно въ празники тѣхъ храмовъ, при нихъ же служение церковное совершаютъ

Они жъ бьютъ челомъ о грамоте на 2 каді меду из села Петровецъ по древнимъ привилиямъ и по универсалу Богдана Хмелницкого, и сверхъ того далъ имъ память Иванъ Ивановичь Чаодаевъ и бояринъ Петръ Васильевичь.

Да имъ же дана была великого Государя грамота, что владѣть имъ езуицкими маетностями Ксаверовымъ и иными в державе Полской. А ныне имъ тѣми маетностями владѣть не можно, і чтобы великого Государя грамота (имъ данная) не вотще (была), бьютъ челомъ, чтобъ на обмѣнъ въ Государе-

вой Державе, дабы Государское слово непремѣнно было, и имъ умирающимъ от глада помочь дати.

Да о грамоте на утвержение училищъ словенскимъ, греческимъ и латинскимъ языки, для латыни на рубеже живущихъ къ защищению православныя вѣры, отъ святыя памяти митрополита Петра Могилы основанныхъ и отъ древнихъ гетмановъ запорожскихъ, наченше от славнаго гетмана Петра Коношевича Сагайдачного.

Они же бьютъ челомъ, чтобъ великій государь указалъ написать въ ихъ синодикъ преставльшуюся о Господе благовѣрную Государыню Царицу і великую княгиню Марию Ильиничну и благовѣрного Государя Царевича и великого князя Семиона Алексѣевича, понеже родъ Государской у нихъ въ ихъ сенодике написанъ есть и ныне они на сорокоусте поминаютъ, и бьютъ челомъ о милостивомъ жалованье.

Книгу *Ключъ Разумѣния* далъ имъ на воспомогательство монастырю тоя книги издатель,—Великій Государь пожаловалъ бы ихъ: велѣлъ за тѣ книги из своей Государской казны имъ заплатить»... (Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 385—389).

Приведенная челобитная—какъ нами замѣчено—не вполнѣ сохранилась (не достаетъ конца). Надо полагать, что въ нее занесены были и другія петиціи, предъявленныя кіево-братскимъ монастыремъ московскому правительству. По крайней мѣрѣ, объ одной изъ такихъ петицій имѣются данныя несомнѣнныя. Въ то время, когда посольство отъ кіевскихъ монастырей было ужъ на пути въ Москву и временно задержалось въ Черниговѣ, Варлаамъ-Ясинскій, извѣстившійся объ этомъ отъ межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго (стоявшаго во главѣ всего посольства), немедленно послалъ ему *(4 февр. 1670 года)* письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ «запамятовалъ въ наказной памяти (инструкціи) доложити того, что церковь Трехъ Святителей на горѣ привилеями утверждена къ монастырю братскому», а между тѣмъ «ныне держитъ ее господинъ воевода кіевскій». Поэтому Ясинскій проситъ внести въ данную имъ своимъ посламъ инструкцію соотвѣтствующее дополненіе и ходатайствовать предъ

государемъ, чтобы означенная церковь, равно какъ и церковь Воздвиженія честнаго креста Господня, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, были укрѣплены за кіево-братскимъ монастыремъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столб. Малорос. Приказа*, № 5921, л. 329; срав. *Ibid.* л. 326).

Но Московское правительство, какъ мы сказали, отнеслось къ челобитьямъ кіево-братскаго монастыря довольно холодно. На просьбу—оказать вспомоществованіе при возстановленіи церквей и монастырскихъ зданій,—послѣдовала резолюція: «*о строеньи и помочи бить челомъ гетману Демьяну Инатовичу*». По поводу жалобы на воеводу князя Барятинскаго о неотдачѣ заимообразно взятыхъ изъ монастыря 600 бревенъ, о разореніи имъ деревни Новоселокъ и вообще о причиненныхъ обители уронахъ,—данъ былъ отвѣтъ: «*поговорить съ ними, а въ то время была война и взять того негдѣ*». На просьбу, взамѣнъ разоренныхъ Новоселокъ, дать деревню Муравку или остерскія угодья, находящіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра,—состоялась резолюція: «*бить челомъ о томъ гетману*». Съ челобитьями къ послѣднему предоставлено было обратиться кіево-братскому монастырю и о выкупѣ митры, и о «церковныхъ сосудехъ», и о продажѣ меду, и (относительно) маетности взамѣнъ іезуитской, и о училищахъ.— Просьба о покупкѣ пожертвованныхъ кіево-братскому монастырю,—надо полагать, въ довольно значительномъ количествѣ,—экземпляровъ *Ключа Разумѣнія*, была отклонена подъ тѣмъ предлогомъ, что «тѣ книги» печатаны не московскомъ «реченіемъ». На просьбу о занесеніи въ братскій синодикъ «преставльшихся» царицы Марьи Ильиничны и царевича Симеона Алексѣевича, что обычно соединялось съ дачею болѣе или менѣе щедрой милостыни,— данъ былъ отвѣтъ уклончивый: *указъ-де о томъ будетъ впредь*. (Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1669—1670 г.г., № 26).

Изъ петицій, съ которыми обращались къ московскому правительству кіево-братскіе посланцы исполнены были (всецѣло или отчасти) сравнительно немногія. Именно, дано было монастырю обычное государево жалованье—сорокъ соболей цѣною въ 30 рублей, «Прологъ во весь годъ», «Минѣя августъ мѣсяцъ»,

«ризы камчатые празничные съ оплечемъ бархатнымъ», одинъ пудъ ладону и пять ведеръ церковнаго вина.—Кромѣ того послана была (7 марта 1670 года) «великаго государя грамота» кіевскому воеводѣ, чтобъ онъ «очистилъ» Трехсвятительскую церковь; но «о томъ, что къ той церкви належитъ» (т. е. относительно приписныхъ къ ней угодій), опять-таки рекомендовано было обратиться съ челобитьемъ къ гетману (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Милорос. Приказа,* № 5921, л.л. 322, 326, 296—300).

Разумѣется, Варлаамъ Ясинскій не могъ быть доволенъ результатами своего посольства въ Москву. Особенно былъ непріятенъ отказъ возвратить монастырю взятыя у него кіевскимъ воеводою 600 бревенъ, приготовленныхъ для сооруженія церкви. Послѣднее обстоятельство побудило Ясинскаго въ началѣ слѣдующаго (1671) года обратиться къ московскому правительству съ новою челобитною о возвращеніи означенныхъ бревенъ. Къ челобитной приложены были: во 1-хъ, «свидѣтельства рукописныя отъ властей достовѣрныхъ духовнаго и мирского чина» (отъ настоятелей кіевскихъ монастырей, отъ черниговскаго архимандрита Іоанникія Галятовскаго,—въ бытность котораго ректоромъ кіево-могилянской коллегіи и игуменомъ братскаго монастыря заготовленъ былъ лѣсъ для сооруженія церкви,—отъ войта и другихъ чиновъ кіевской ратуши), въ коихъ удостовѣрялся фактъ забранія кіевскимъ воеводою княземъ Барятинскимъ помянутаго лѣса на государственныя потребности,—и во 2-хъ, «Сказаніе о иконѣ Пресвятыя Богородицы Вышегородцкой чудотворной, приплывшей въ Кіевъ съ агарянином и ставшей противу монастыря Братцкого Кіевскаго, въ ней же нынѣ прославляется». Кромѣ челобитной отъ имени Ясинскаго, очевидно, по его просьбѣ, послано было ходатайственное письмо къ государю за кіево-братскій монастырь и отъ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, въ которомъ онъ молитъ, «да не тощи вспять возвратятся (посланники братскаго монастыря), но съ полученіемъ желаемыя вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пребогатыя отеческія милости..., понеже тотъ монастырь единъ точию таковъ вашего царскаго пресвѣтлаго Величества подъ

высокою рукою въ Малой Россіи, въ немъ же Божественныхъ письменъ училище, отъ него же премудрые, церкви нашей православной нужные на всякую противу противниковъ благочестивыя нашея вѣры выходятъ люди на оборону»... Сей училищный монастырь не только составляетъ «*украшеніе и охраненіе* святой восточной церкви, но отъ него и вашего царскаго пресвѣтлаго Величества государскому имени *отъ рода и въ родъ во всей вселенной возрастаетъ слава*».—Въ данное время просьба Ясинскаго была уважена: кіевскому воеводѣ (22 февр. 1671 г.) посланъ былъ отъ имени государя указъ—навозить для монастыря взятое у него количество бревенъ *наступающею весною*, послѣ исполненія каковаго указа и приступлено было къ сооруженію Богоявленской церкви (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книга Милорос Приказа*, № 9, л.л. 734 об. и слѣд.—Срав. В. О. Эйнгорна «Очерки изъ исторіи Малорос. XVII в.» стр. 783.—Списокъ со «Сказанія о иконѣ Пресв. Богородицѣ» переданъ мною для напечатанія о. Ѳ. И. Титову. О судьбѣ построенной Ясинскимъ Богоявленской церкви подробности изложены въ нашей статьѣ: о *Гедеонѣ Одорскомъ*, помѣщ. въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1900 г.; см. № 12, стр. 618).

[12]) Гетманомъ Многогрѣшнымъ дано было кіево-братскому монастырю село Мураска (Муравка) на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л. 295), впослѣдствіи замѣненное мѣстечкомъ Карпиловкою съ приселками, а гетманъ Самойловичъ, универсаломъ отъ 7 іюля 1672 г., даннымъ на имя ректора и игумена В. Ясинскаго, дозволилъ безпошлинно сытить медъ къ шести праздникамъ въ году (Памятники, изд. кіев. коммис. для разбора древ. актовъ, Кіевъ 1898 г., т. II, № XXXII). Многогрѣшный обѣщалъ было «и церковь братскую *каменную* соорудити и школы для ученія построити», для каковой цѣли собирались «съ міру» деньги «въ скарбъ войсковой»; но по низложеніи его съ гетманства (въ мартѣ 1672 г.) въ означенномъ «скарбѣ» никакихъ денегъ не оказалось. (А. Ю. и З. Р. т. IX, № 155).

[13]) Каменная трапеза устроена была въ кіево-братскомъ монастырѣ, по всей вѣроятности, на средства гетмана Сагайдачнаго, бывшаго *великимъ благотворителемъ* для означеннаго монастыря (см. Вѣрши на жалобный погребъ зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана... и проч., изд въ Кіевѣ, 1622 г., и вполнѣ перепечатанныя въ приложеніяхъ къ нашему изслѣдованію: «Исторія Кіев. Духовной Академіи», выпускъ I, 1886 г., № прилож. VI, стр. 17—40). Придѣлъ въ братской трапезѣ былъ во имя *святыхъ Бориса и Глѣба*. О трапезованіи здѣсь Мелетія Смотрицкого упоминается въ предисловіи къ Desiderosus'у *(изд. 1625 г.)*, составленномъ Кассіаномъ Саковичемъ. Любопытное описаніе означенной трапезы (священныхъ картинъ, изображенныхъ здѣсь въ олтарной абсидѣ) находится у Павла Алеппскаго (Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. См. по переводу Г. Муркоса, вып. II, стр. 78—79).

[14]) Извѣстна «*лямeнтація*» кіево-братскихъ иноковъ, исполненная укоризнъ, неназываемому по имени, *ректору* коллегіи, но по времени составленія (есть рѣчи о разореніи Новоселокъ) относящаяся къ послѣднимъ годамъ ректорства Варлаама Ясинскаго (см. *Кіев. Старину* за 1884 г., № 10, стр. 353—356). Что она вышла изъ среды «неученаго или, по крайней мѣрѣ, неучащаго монастырскаго братства»,—это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію (Соображенія см. у И. И. Малышевскаго въ его рецензіи на сочиненіе Н. И. Петрова, помѣщ. въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, 1896 г., № 11, *протоколы*, стр. 148—149).

[15]) Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ В. Ясинскому называетъ оставленіе имъ ректуры въ кіево-могилянской коллегіи *добровольнымъ;* но надлежащее освѣщеніе этого факта дается тѣмъ же письмомъ: «*Перестань же говорить*—читаемъ здѣсь,—*что тебя заставили отказаться*, ибо ты самъ подалъ объ этомъ голосъ и на словахъ и на бумагѣ, а я, какъ первосвятитель, не хотѣлъ дѣлать вопреки твоей доброй воли»... и проч.—Барановичъ утѣшаетъ Ясинскаго тѣмъ, что матеріальное его положеніе съ оставленіемъ ректуры не пострадало (ему предоставлена долж-

ность проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ), «Въ *седо*,—пишетъ онъ, играя словами согласно съ тогдашними школьными традиціями и привычками,—ударилъ однажды громъ, разбилъ *с*, осталось *едо*. *Наказующая тебя* десница Господня, любя тебя, и послѣ отказа твоего, оставляетъ при тебѣ *едо*. (Письма Барановича, Черниговъ, 1865 г.. письмо 113).—В. О. Эйнгорнъ оставленіе Ясинскимъ ректуры ставитъ въ тѣсную связь съ его донесеніемъ кіевскому воеводѣ объ укрывательствѣ въ кіево-братскомъ монастырѣ Василія Многогрѣшнаго (брата измѣнника гетмана), чѣмъ якобы должны были остаться крайне недовольны братскіе иноки и, вслѣдствіе чего, пребываніе среди нихъ Ясинскаго сдѣлалось для него «совершенно невыносимымъ» (Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. Москва, 1899 г., стр. 856—857). Но Ясинскій въ данномъ случаѣ исполнилъ только «крѣпкій заказъ» кіевскаго воеводы, князя Козловскаго, чтобы мѣстные игумены «немедленно сообщили ему, воеводѣ, если бы кто изъ сродниковъ измѣнника-гетмана объявился въ какомъ-либо монастырѣ». Неисполненіе этого «крѣпкаго заказа», безъ сомнѣнія, навлекло бы тяжкую кару не только на Ясинскаго, *но и на управляемый имъ монастырь*.

[16]) Имѣемъ въ виду постепенное возвращеніе изъ-за-границы посланныхъ туда В. Ясинскимъ для завершенія образованія наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ коллегіи и поступленіе ихъ здѣсь на преподавательскія должности, а также сохранившіеся отъ того времени школьные труды.

Существуетъ мнѣніе, что во время ректуры въ коллегіи Ясинскаго преподавателемъ философіи здѣсь былъ *(съ 1672 года)* извѣстный *Паисій Лигаридъ* (мнѣніе это высказано было преосв. Филаретомъ черниговскимъ въ его «Обзорѣ рус. духовной литературы», см. изд. 1884 г. стр. 241, и поддерживается проф. Н И. Петровымъ съ указаніемъ, что читанныя въ коллегіи лекціи Паисія хранились въ бумагахъ профессора Барсова; см. «Кіевск. Акад. во второй половинѣ XVII в.», стр. 34, 139). Но мнѣніе это не можетъ быть принято. Паисій Лигардъ, *впервые* выѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ *1 марта 1673 года* и при-

бывшій сюда *28 мая означеннаго года* (см. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла греческія*, № 1, г. 7181 сентяб. 7—марта 4), встрѣченъ былъ кіевскими учеными не особенно благосклонно (ему даже закрытъ былъ доступъ къ коллегіатской библіотекѣ), и хотя впослѣдствіи—въ виду обоюдныхъ интересовъ—между ними и Паисіемъ воспослѣдовало сближеніе, но оно выразилось въ порученіи послѣднему перевести на латинскій языкъ рукописный трактатъ извѣстнаго греческаго богослова первой половины XVII стол. Георгія Корезія (Γεώργιος Κορέσσιος) подъ заглавіемъ: «Διάλογοι περὶ τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ πνεύματος»,—ознакомленіе съ каковымъ трактатомъ для кіевскихъ ученыхъ (плоховато знавшихъ греческій языкъ) было чрезвычайно важно, въ виду надѣлавшаго много шума полемическаго сочиненія Циховскаго (Cichovius): *Tribunal s.s. Patrum Orientalium...* et caet. (1658 г.), направленнаго противъ догмата объ исхожденіи Духа Святаго отъ одного Отца, а въ частности *и противъ кіевскихъ коллегіатовъ*, имѣвшихъ по данному вопросу, еще *въ 1646 году*, трехдневный диспутъ съ Циховскимъ (диспутъ этотъ тенденціозно описанъ тѣмъ же Циховскимъ въ изд. 1649 г. брошюрѣ: *Colloquium Kijoviense*. Въ основу Tribunal'a положена эта брошюра).—Означенный трудъ (переводъ) Паисія сохранился до настоящаго времени: онъ находится въ Синодальной Типографской Библіотекѣ, по каталогу рукописей № $^{1771}/_{4057}$. Переводъ начатъ былъ Паисіемъ въ Кіевѣ, къ концу его *перваго* пребыванія здѣсь, а оконченъ въ Москвѣ, куда онъ неожиданно, по указу государя, былъ вызванъ (выѣхалъ изъ Кіева *17 сентября 1675 г.*). Съ Паисіемъ отправленъ былъ въ Москву префектъ кіево-могилянской коллегіи Виссаріонъ Шулковскій, принимавшій участіе въ означенномъ трудѣ Паисія (участіе это выражалось въ томъ, что онъ, будучи хорошимъ каллиграфомъ, переписывалъ черновики перевода Паисія). Переписанная Шулковскимъ рукопись перевода снабжена нѣсколькими замѣтками и приложеніями (есть посланіе кіевскихъ ученыхъ къ патріарху), которыя, въ связи съ нѣкоторыми другими рукописными данными, восполняютъ наши свѣдѣнія, какъ о Паисіи, такъ и о кіево-могилянской коллегіи разсматриваемаго времени. Но обо

всемъ этомъ—рѣчи въ другомъ мѣстѣ. Теперь же ограничиваемся замѣчаніемъ, что указанныя данныя не подверждаютъ мнѣнія *о преподаваніи Паисіемъ какого-либо предмета въ коллегіи.*

[17]) Письмо Ѳеофана Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 года (напеч. въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г., № 4, и *Трудахъ Кіев. Дух. Академіи* за 1865 г.; см. октябрь, стр. 274—279).

[18]) Ѳеодосій Гугуревичъ избранъ былъ на ректуру въ кіево-могилянской коллегіи послѣ однолѣтняго его настоятельства въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и (передъ тѣмъ) около пятилѣтняго въ батуринскомъ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ, равно какъ и о послѣдующей судьбѣ Гугуревича, находятся въ *Діаріушѣ* святителя Димитрія Ростовскаго. Именно здѣсь, въ ряду замѣтокъ, сдѣланныхъ подъ 1690 годомъ, читается и слѣдующая: «Декабря 25; въ самый день Рождества Христова, по вечерни, преставился въ монастырѣ нашемъ іеромонахъ Ѳеодосій Гугуревичъ, бывшій игуменъ въ разныхъ монастыряхъ, а именно: въ монастырѣ семъ Батуринскомъ (когда писалась эта замѣтка святитель состоялъ игуменомъ означеннаго монастыря) лѣтъ пять, въ Михайловскомъ Золотоверхомъ Кіевскомъ годъ одинъ, въ Братскомъ Кіевскомъ лѣта три, въ Максаковѣ одинъ годъ, а *въ бѣдахъ и скорбехъ*, послѣ Максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ». (Сочиненія святаго Димитрія, митрополита Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, стр. 332). Н. И. Петровъ, имѣя въ виду эту замѣтку св. Димитрія Ростовскаго, говоритъ: «По разсчету времени выходитъ, что Кіево-Михайловскимъ игуменомъ Гугуревичъ былъ въ $168^{4}/_{5}$ году, а Кіево-братскимъ игуменомъ и ректоромъ,—съ $168^{5}/_{6}$ учебнаго года до конца 1688 гражданскаго года». А въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту заявляетъ: «по наборѣ сего, мы нашли документъ, подписанный Михайловскимъ игуменомъ Ѳ. Гугуревичемъ еще *20 апрѣля 1680 года*. (Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в., стр. 45). Но съ документомъ, очевидно, вышло какое-то недоразумѣніе. Время избранія Гугуревича на кіево-михайловское игуменство состоялось значительно позже: оно съ точностью опредѣляется на

основаніи того же Діаріуша святителя Димитрія Ростовскаго. Здѣсь подъ *1682 годомъ* читаемъ: «февраля 7, во вторникъ послѣ утрени, на память преподобнаго отца Парѳенія, преставися блаженныя памяти отецъ Мелетій Дзикъ, игуменъ Михайловскій Кіевскій: вѣчная ему память! *На его мѣсто избранъ отецъ Ѳеодосій Гугуревичъ, игуменъ Батуринскій;* а въ Батуринскій монастырь на Гугуревичево мѣсто меня Богъ сподобилъ.—Марта 1-го, на память св. Евдокеи, въ среду первой недѣли великаго поста, отецъ Ѳеодосій Гугуревичъ здалъ мнѣ съ себя игуменство монастыря Батуринскаго, въ церкви святителя Христова Николая: *а самъ того же дня выѣхалъ изъ монастыря въ путь свой въ Кіевъ.* Боже, ему поспѣши!» (Сочиненія св. Димитрія митроп. Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, 317—318).

Н. И. Петровъ справедливо замѣчаетъ, что Гугуревичъ «постепенно спускался внизъ по іерархической лѣстницѣ»; тоже самое говоритъ и О. И. Левицкій, но послѣдній полагаетъ, что пошатнулась служебная карьера Гугуревича только съ переводомъ его въ «малозначительный монастырь черниговской епархіи—Максаковской»; что же касается до избранія его ректоромъ кіево-могилянской коллегіи, то оно признается г. Левицкимъ *повышеніемъ* по службѣ, при чемъ дѣлаются предположенія, кому Гугуревичъ обязанъ былъ столь почетнымъ и важнымъ постомъ. (Кіев. Старина, 1901 года, сентяб., стр. 402, 403, 405, 406). Но такое пониманіе невѣрно. Въ разсматриваемое время, въ ряду іерархическихъ ступеней кіево-михайловское игуменство *стояло выше ректуры въ кіево-могилянской коллегіи* и обычно предоставлялось лицамъ, много уже потрудившимся для коллегіи и, между прочимъ, ректорамъ послѣдней (припомнимъ Іосифа Кононовича Горбацкаго, Мелетія Дзика, Сильвестра Головчича). Такимъ образомъ, карьера Гугуревича *пошатнулась* ранѣе, чѣмъ предполагаетъ упомянутый изслѣдователь.

Причины, побудившія Гугуревича оставить кіево-михайловское игуменство, до настоящаго времени остаются *невыясненными.* Къ уясненію ихъ можетъ служить слѣдующая замѣтка, сохранившаяся въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа: «іюля въ 29 день *(1683 года)* къ великимъ государямъ писалъ гетманъ съ посланцомъ

своимъ Василіемъ Кочубеемъ, что кириловского монастыря про игумена про Иннокентія *разыскивано и сужено духовнымъ судомъ, и разсмотрѣно, что его, Иннокентія Монастырского, игуменъ бывшій Михайловскій Ѳеодосій Гугуревичъ зависти ради оглаcилъ измѣнническими преступленіями*, и кириловскаго монастыря чернецъ Давидъ на него, Иннокентія, чинилъ *ложныи свои свидѣтельства, и за то Михайловскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій Гугуревичъ отставленъ*, а каковъ въ томъ дѣлѣ былъ розыскъ и судъ—съ того дѣла прислалъ онъ, гетманъ, списокъ». (Москов. Арх. Министер. Юстиціи. *Дѣла Малорос: Приказа;* № книги 53, л. 19—20). Изъ этой замѣтки видно также, что Гугуревичъ послѣ *вынужденнаго* оставленія имъ кіево-михайловскаго игуменства не тотчасъ избранъ былъ на ректуру въ коллегіи. Но объ этомъ избраніи—рѣчи въ другомъ мѣстѣ.

Поступки и преступленія Гугуревича, омрачившіе его имя, съ откровенностію судебныхъ актовъ изложены и констатированы въ древней актовой книгѣ Борзенской ратуши. Отрывки изъ этой книги, касающіеся преступленій Гугуревича, напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ его книгѣ «Описаніе старой Малороссіи» (т. II. 153—156), а въ литературной обработкѣ съ ними знакомитъ О. И. Левицкій въ печатаемыхъ имъ «Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII стол.» (См. очеркъ 30-й: «Грѣшный игуменъ», въ сентябр. книжкѣ Кіев. Старины, за 1901 г., стр. 401—410).

[19]) О началѣ ректуры (вторичной) Іоасафа Кроковскаго, относительно чего были мнѣнія неустойчивыя, см. нашу статью: *Гедеонъ Одорскій*,—гдѣ по сему вопросу даются опредѣленныя (документальныя) указанія (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 598 и слѣд.). Здѣсь, между прочимъ, было упомянуто нами о неизвѣстной дотолѣ грамотѣ митрополита Варлаама Ясинскаго, выданной по случаю утвержденія Кроковскаго въ доджности ректора кіево-могилянской коллегіи. Грамота эта—одинъ изъ цѣнныхъ документовъ, относящихся къ прошлому нашей Академіи, а потому мы приводимъ его здѣсь въ полномъ видѣ:

«Варлаамъ Ясинскій, милостію Божіею православный архіепископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и малыя Росіи.

Извѣстно творимъ всѣмъ, сіе писаніе чтущимъ и слышащимъ, что мы пастырь, увѣщани суще первѣе словесы апостола глаголющаго: *епископу подобаетъ быти учителну*, посемъ монаршескими ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества и патріашескими грамотами, при посвященіи на митрополію намъ данными, въ которыхъ пространно написано, дабы есмы о школахъ ко ученію свободныхъ наукъ попеченіе имѣли, по должности нашей пастырской стараясь о томъ, чтобъ монастырь Братскій Кіевскій, со училищами въ немъ сущими, безъ належащаго своего ректора и игумена не приходилъ въ кое нестроеніе: нынѣ по благоволенію Божію, по нашему же пастырскому благословенію, *а по соизволенію, данному на письмѣ ясневельможного его милости господина Ивана Мазепы, гетмана войскъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества запорожскихъ, особливаго тому монастырю Братскому обновителя, промыслинника и благодѣтеля, и по совѣту пречестныхъ ихъ милостей въ Бозѣ отцевъ соборныхъ митрополіи Кіевской, такожде и по изволенномъ обраніи честныхъ отецъ Братскаго монастыря*, вручили есмы началъ ректорства и игуменства Братского Кіевского пречестному въ Бозѣ отцу Іоасафу Кроковскому, игумену монастыря Пустынно-никольского Кіевского, яко человѣку благоразумному и побожному, *въ томъ же монастырѣ Братскомъ четырехлѣтнимъ ученіемъ философіи и единолѣтнымъ ученіемъ Богословіи, кромѣ нижайшихъ съ початку нѣскольколѣтнихъ ученій въ школахъ, явно въ славу Божію потрудившемуся*, который за помощію Божію можетъ вмѣстительно игуменство монастыря Пустынно-Никольскаго и ректорство со игуменствомъ монастыря Братскаго Кіевскаго благочинно устроивати, сохраняя давныя строительныя грамоты и права, отъ святой памяти ясне преосвященнаго его милости отца Петра Могилы архіепископа митрополита Кіевскаго, архимандрита Печерскаго, строителя тому Братскому монастырю, наданыя, и всемощно желая по Бозѣ за помощію ясневельможного его милости господина гетмана нынѣшняго, строителя и обновителя того жъ монастыря Братскаго Кіевскаго, такожде и призрѣніемъ всѣхъ ихъ милостей господъ

начальныхъ малороссійскихъ, *дабы могли разширятися науки свободныя, дабы помножалися ученія къ защищенію церкви православной восточной, и житіе въ монастырѣ по чину иноческому сколько мощно обще по даннымъ правамъ, прежнимъ ректорамъ даннымъ, и по увѣщанію строительской духовной дабы строено было;* а понеже вручается нынѣ то ректорство вмѣстѣ съ игуменствомъ Никольскимъ пречестному отцу Іоасафу Кроковскому, подвигнуло насъ и то, чрезъ его заслуги, къ сему, что и прежде сего въ монастырѣ Братцкомъ, послѣ нѣскольколѣтного честнаго начала префектовского и маистровского философіи, *ему учащему Богословію*, блаженные памяти предокъ нашъ ясне въ Бозѣ преосвященный киръ Гедеонъ князь Четвертенскій, митрополитъ Кіевскій, вручилъ было вмѣстѣ со игуменствомъ Никольскимъ и ректорство Братцкое, разсуждая, что тѣ оба монастыри Никольскій и Братцкій и при здравствованіи строителя Могилы подъ единымъ владѣніемъ такова жъ учительного и заслуженого, послѣ превысокихъ маистровствъ училищныхъ, игумена Микольского пребывали; а понеже тогда *недолго* ректоровалъ пречестный сей отецъ Іоасафъ игуменъ Никольскій, то нынѣ дабы тожъ ректорство совершалъ, тако изволися Духу Святому и нашему смиренію со всѣми на то соизволяющими; о чемъ вѣдая всѣ о Христѣ братія монастыря Братцкого Кіевского, дабы его пречестного отца Іоасафа Кроковского, игумена Пустынно-Никольского Кіевского, яко соизвольнымъ избраніемъ ихъ обраннаго и отъ насъ пастыря съ послушанья церкви Христовой принужденного, за належащаго себѣ ректора и игумена отца и наставника, содержащего съ игуменствомъ Пустынно-Никольскимъ совершенную власть начальства ректорскаго, имѣли, и ему, яко могущему по нашей власти митрополитанской исправляти весь чинъ церковный и монастырскій, всякое чинили послушаніе, пастырски желаемъ и для лучшей чести и крѣпости даемъ наше се писаніе со обыклою печатью митрополитанскою, съ подписомъ руки нашей. Изъ монастыря Святософейскаго катедральнаго Кіевскаго, 1692, мѣсяца генваря въ 20 день, *рукою своею*». (Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, связ. № 94).

[20]) См. Памят. Кіев. Комм. для разбора древ. актовъ, изд. 1898 г., т. II, № XXXV; срав. Кіево-братскій училищный монастырь», Н. Мухина (Кіевъ, 1893 г.), *прилож.* № XXI, стр. 372 и слѣд.

[21]) Экономомъ въ кіево-братскомъ монастырѣ въ данное время былъ *Парѳеній Родовичъ* (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* св. № 94),—человѣкъ, по отзыву Ѳ. Прокоповича, «трезвый, дѣльный, трудолюбивый, догадливый и по всему того (должности эконома) достойный» (*Труды Кіев. Дух. Академіи,* 1865 г., № 10, стр. 276).—Родовичъ,—что доселѣ, кажется, остается неизвѣстнымъ,—былъ и преподавателемъ въ коллегіи. Намъ извѣстны школьные труды изъ класса поэтики отъ *1689 года,* составленные «sub Reverendo *Parthenio Rodovio (Helicon bivertea*; см. рукоп. Синод. Типогр. Библ., № 1769, л. 1; см. тамже л. 131 и слѣд., гдѣ помѣщено руководство, составленное «in schola Poeseos sub Reverendo Patre *Parthenio Rodowicz,* anno Domini *1689*».

[22]) По заслуживающему полнаго довѣрія свидѣтельству уніатскихъ писателей (Dzieje y prawa kościoła Polskiego, T. Ostrowskiego. Warsawa, 1793 r., t. III, str. 485), П. Могила на коронаціонномъ сеймѣ 1633 года исходатайствовалъ у короля привиллегію для своей коллегіи, какъ *высшаго учебнаго заведенія;* но къ этой привиллегіи и канцлеръ коронный и подканцлеръ *отказались приложить свои печати.*

[22]) Привилегія напеч. въ *прилож.* къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.»—см. стр. 127—129.

[24]) См. упомянутую ламентацію кіево-братскихъ иноковъ на ректора (Варлаама Ясинскаго).

[25]) Подробныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ и результатахъ ея находится въ обширномъ дѣлѣ, хранящемся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ и *далеко изслѣдователями еще неиспользованномъ.* (Дѣла Малорос. 1693 г. св. 94.

Здѣсь, впрочемъ кое-чего не достаетъ; но въ Москов. Арх. Минист. Юстиціи есть хорошо сохранившаяся копія съ этого дѣла).

Извлекаемъ изъ этого дѣла одну бытовую картинку,—именно о церемоніалѣ, бывшемъ при первомъ пріемѣ государемъ Іоасафа Кроковскаго и его свиты,—церемоніалѣ, заранѣе установленномъ и *состоявшемся* (на проэктѣ церемоніала отмѣчено: *было по сему*):

«201 года, іюля въ 10 день, великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ быть у себя, великого Государя, на дворѣ на пріѣздѣ преосвященнаго Варлаама, митрополита Кіевского и Галицкого и малыя Росіи, присланному Іоасафу Кроковскому, игумену Николаевского Пустынного и ректору и игумену жъ Братцкого монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будучими людьми.

А какъ онъ къ великому Государю войдетъ въ палату, и ево явить великому Государю челомъ ударить думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову, а говорить: «Великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! Вашего царского Величества богомольца, преосвященного Варлаама, митрополита Кіевского и Галицкого и малыя Росіи, присланной Іоасафъ Кроковскій, игуменъ Николаевского Пустынного и ректоръ и игуменъ же Братцкого монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будучими людьми, тебѣ, великому Государю, вашему царскому Величеству, челомъ ударилъ».

А потомъ присланной великому Государю его царскому Величеству говоритъ рѣчь.

А изговоря рѣчь, подастъ великому Государю листъ и объявитъ святыню.

И думной дьякъ говоритъ: «Вашего царского Величества богомолецъ, преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Росіи, тебѣ, великому, Государю челомъ бьетъ святынею:

Животворящій Крестъ Господень рѣзной на кипарисѣ.

Образъ святаго великого князя Владимера.

Стихи въ рамахъ печатаны на похвалу страстей Христовыхъ, да не въ рамахъ тѣхъ же 10 листовъ на бумагѣ».

И великій Государь, его царское Величество, укажетъ у присланного листъ и святыню принять и митрополита спросить о спасеніи.

И думной дьякъ говоритъ: «Присланной! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ богомольца своего, преосвященного Варлаама митрополита Кіевского и Галицкого и Малыя Росіи: велѣлъ спросить о спасеніи».

А послѣ того великій Государь пожалуетъ присланного къ рукѣ.

И думной дьякъ говоритъ: «великій Государь, его царское Величество, жалуетъ тебя, игумена, и при тебѣ будучихъ къ своей царского Величества рукѣ».

А потомъ великій Государь игумену велитъ сказать свое великого Государя жалованье въ стола мѣсто кормъ.

И думной дьякъ говоритъ: «игуменъ Іоасафъ! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ васъ своимъ царского Величества жалованьемъ въ стола мѣсто кормъ и питье».—А сказавъ, отпуститъ ихъ на подворье.

[26]) Памятники Кіев. Комм. для разбора древнихъ актовъ, изд. 1898 г., т. II, №№ XXXV, XXXVI. Наиболѣе важное значеніе, разумѣется, имѣла грамота, данная «на школы». Къ ней привѣшена была *большая государственная печать* въ серебряномъ ковчегѣ. «202 года, декабря въ 18 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали сдѣлать къ своей великихъ государей жалованной грамотѣ на Государственную большую печать ковчегъ серебрянной, которую велѣно дать киевскаго Богоявленскаго братцкого монастыря игумену и ректору Иоасафу Кроковскому з братьею на школы. А на дѣло того ковчега дано серебрянаго дѣла мастеру іноземцу Якову Буду четырнадцать ефимковъ из Новгород-

ского приказу, и о томъ дать въ тотъ приказъ указъ». (*Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.* Выше цит. дѣло 1693—1694 г.г.). Подлинникъ этой грамоты хранится въ Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи.

[27]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената, по М. Э.* кн. № 5/1732. Въ этомъ дѣлѣ сторону кіевскихъ мѣщанъ сильно поддерживалъ патріархъ Адріанъ, подозрительно относившійся и къ кіевской коллегіи и къ кіевскимъ ученымъ. Сохранилась грамота этого патріарха къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, писанная по поводу жалобъ кіевскаго войта какъ на коллегіатовъ, *такъ и на самаго митрополита.* Характерныя выдержки изъ нея сдѣланы нами въ упомянутой статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 604—605). Указавъ на безчинство студентовъ (о чемъ см. въ упомянутой выдержкѣ), патріархъ пишетъ: «и отъ того имъ (кіевскимъ мѣщанамъ) великая обида и разореніе чинится, *а унять ихъ отъ того не кому,* и ты, въ Дусѣ Святѣмъ сыне и сослужителю нашея мѣрности... о мирѣ между людьми потщися... и студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, *въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ во особыхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, ідѣ кому придется*» (Ibid. л.л. 205—208).

[28]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената по Малорос. Экспед.* № кн. 5/1732; л.л. 129—134.

Приводимъ эту челобитную въ полномъ видѣ:

«*Академія* наша Кіево-Могилянская,—писали коллегіаты,—отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, *какъ обыкновенно есть инымъ академіямъ* во всѣхъ государствахъ иноземскихъ правосвободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, прибѣгаетъ къ Вашей пастырской милости, прося слезно о помощи отъ господъ мѣщанъ кіевскихъ, которыхъ ради, прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на наши школы Кіевскія съ разбоемъ войско вооруженное изъ вышняго города и много сдѣлали кровопролитія, многимъ малороссій-

скимъ дѣтемъ учащимся подѣлали раны, гоня за оными, гдѣ, какъ злодѣевъ, въ приказъ многихъ взяли невиноватыхъ студентовъ и въ цепи посажали, а кромѣ того дерзаютъ многажды мѣщане не къ праву школьному и Вашему пастырскому начальству, но *въ свою ратушную тюрьму студентовъ брати, а оттуду въ верхній городъ отдаютъ въ приказъ безо всякаю разсмотрѣнія;* какъ и недавными времены въ свѣтлую недѣлю, когда нашихъ студентовъ изо всякихъ школъ много раненныхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ напрасно, били челомъ мы о управѣ его милости господину генералу, надѣясь, что намъ съ ними дастъ управу такую, какъ и надъ ними даетъ, и его милость господинъ генералъ посланныхъ *отцевъ учителей нашихъ,* вмѣсто управы, обесчестилъ, и то сказалъ, что не имѣю я власти надъ мѣщанами, *а надъ школами власть имѣю студентовъ въ тюрьму брать;* а такъ, когда и мѣщане имѣютъ власть студентовъ въ тюрьму брать и господинъ генералъ смиряти, пришло къ послѣднему отвсюду обиженной *Академіи нашей* разоренію, аще Ваша пастырская милость не подастъ руку помощи, и особымъ своимъ не удержитъ попеченіемъ, а наипаче, что слова его милости господина генерала очень намъ суть нестерпимыи, что надъ учащимися и учительми, подъ властію духовною Вашей пастырской милости пребывающими, дѣлается быти властителемъ, котораго власть мирская чтобъ имѣла дѣло къ духовной паствѣ, *очень есть неприлично, и противно правиломъ святымъ и самому правилодавцу Богу.* Бьемъ челомъ, какъ наипокорнѣе Вашей пастырской милости, падъ у стопъ архіерейскихъ, о семъ милосердіи, чтобъ Ваша пастырская милость честнымъ святымъ своимъ челобитьемъ къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу его царскаго пресвѣтлаго Величества потщался намъ умолити освобожденіе, и отъ плѣненія тѣхъ словесъ его милости господина генерала и отъ такого безчинія и дерзости мѣщанъ Кіевскихъ, *чтобъ студентамъ, аще бы какая и случилась вина, судъ былъ во Академіи,* и кромѣ суду духовнаго Вашей пастырской милости не брали къ мирскому присуду, въ ратушу и въ приказъ: *не намъ то сдѣлаешь Ваша пастырская милость, но ко умноженію чрезъ ученіе*

православія святаго въ честь и хвалу самому Богу, вся премудростію сотворшему.

Преосвященства Вашего, намъ премного милостиваго въ Духу Святомъ отца и пастыря и великаго благодѣтеля, нижайшіе слуги:

Академіи его царскаго пресвѣтлаго Величества кіевской префектъ школъ, учитель наукъ философскихъ и богословскихъ іеромонахъ *Иннокентій Поповскій* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ отцевъ учителей.

Его царскаго пресвѣтлаго Величества стольникъ *Кононъ Зотовъ*, во Академіи Кіевской учащійся. *Григорій Новицкій*, префектъ конгрегаціи. *Семенъ Мировичъ* вицепрефектъ. Намѣстникъ префекту, полковниченко Переяславскій *Семенъ Лизогубъ*. Полковниченко Черниговскій *Семенъ.—Василій*, *Павелъ* полковниченки Прилуцкіе. *Павелъ Павловскій. Яковъ Лисица. Григорій Голубъ* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во Академіи Кіевской».

Къ уясненію этой челобитной изъ напечатанныхъ матеріаловъ укажемъ на «челобитье» кіевскихъ мѣщанъ на студентовъ Академіи «за князя Хованскаго» (1701 г.). См. «Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевск. Центральнаго Архива». *И. Каманина и М. Истомина.* Кіевъ, 1890 г.

[29]) Изъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ Ясинскій упоминаетъ объ «ясневельможномъ его милости господинѣ адмиралѣ».

[30]) Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла прав. Сената по Малорос. экспед.*, № кн. $^{5}/_{1732}$; лл. 97—108.

[31]) Памятники кіев. комм. для разбора древн. актовъ. Кіевъ, 1898 г. т. II, № XXXVII.—Въ грамотѣ говорится, что она пожалована кіево-братскому *ректору и игумену Прокопію Колачинскому* съ братіею; но несомнѣнно, въ то время ректоромъ коллегіи и кіево-братскимъ игуменомъ былъ уже *Гедеонъ Одорскій.*

Объясненіе этого анахронизма дано нами въ статьѣ о «Гедеонѣ Одорскомъ» (см. Труды Кіев. дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 571—572).

[32]) Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. Проф. *Н. И. Петрова*, стр. 125. Основательныя возраженія относительно высказываемаго здѣсь мнѣнія по данному вопросу сдѣланы покойнымъ проф. И. И. Малышевскимъ въ весьма содержательной рецензіи на это сочиненіе (см. Труды Кіевск. дух. Академіи, 1896 г., № 12, *протоколы*, стр. 166—168).

Слѣдуетъ замѣтить, что и послѣ жалованной государевой грамоты отъ 26 сентября 1701 г. Кіевская Академія нерѣдко называлась (сохраняя наименованіе *Академіи)* и *коллегіею* и даже просто *школами* (кіевскими, кіево-могилянскими). Дѣлалось это и *по традиціи* (Академія дорожила всѣмъ, что напоминало ей времена *Могилянскія)* и потому, что въ разсматриваемое время она продолжала быть не только учрежденіемъ, открывавшимъ свои двери для всѣхъ сословій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіемъ *общеобразовательнымъ:* совмѣщала въ себѣ *школы* и низшія, и среднія, и высшія.—Нами констатируется фактъ, съ какого времени кіево-могилянской коллегіи усвоено было въ *оффиціальномъ* документѣ (Высокомонаршей грамотѣ) названіе *Академіи.*

[33]) Документальныя данныя о постройкѣ Братской (Мазепиной) церкви см. въ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. дух. Акад., 1900 г, № 12, стр. 613—614).

[34]) Рукоп. библіотеки Кіево-Соф. собора, № 219, гдѣ, на ряду съ другими замѣтками современника, близко стоявшаго къ Академіи, находится и слѣдующая: «Eodem vere (то есть—какъ видно изъ предшествующихъ замѣтокъ—*anno 1704) coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio, ipsa vero fundamenta adhuc avtumno iacta fuerunt*». Другія замѣтки напеч. въ упомянутой нашей статьѣ о Гедеонѣ Одорскомъ, гдѣ есть рѣчь и о соотвѣтствіи ихъ съ историческими данными. Исправляемъ вкравшійся здѣсь недосмотръ (на стр. 621). У насъ сказано: былъ (авторъ упомянутыхъ замѣтокъ) инспекторомъ двадцати учени-

ковъ; слѣдуетъ читать: былъ инспекторомъ учениковъ въ теченіи *двадцати мѣсяцевъ*.

[35]) Гравюра эта находится, между прочимъ, и въ Музеѣ нашей Академіи. Она описана и переиздана въ извѣстныхъ трудахъ Д. А. Ровинскаго.

[36]) См. напечатанную нами грамоту митрополита В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора (см. выше *примѣч. 19*), и выдержку изъ списка ректоровъ, префектовъ и преподавателей, составленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка (см. выше *примѣч. 8*).

[37]) См., напр., гравюру-панегирикъ, поднесенную студентами Академіи *бывшему* ея ректору, а въ то время настоятелю кіевоникольскаго монастыря Прокопію *Колачинскому*, гдѣ онъ титулуется: *Rector emeritissimus*.—Подробное описаніе гравюры и подписи къ ней см. во 2 № *Кіев. Старины* за 1882 г. (стр. 437—440) и въ соч. Д. А. Ровинскаго: *Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XX в.в.* Посмертное изданіе съ фототипіями и цинкографіями. Спб. 1895 г. т. II, столб. 1236 (здѣсь невѣрно прочтена только фамилія Колачинскаго: называется *Катажинскимъ*).

[38]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, 1693 г., св. 94.—Сравн. упомянутую грамоту м. В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора, и извлеченіе изъ письма гетмана Мазепы по сему же случаю, напечатанное нами въ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіевск. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 603).

[39]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, св. № 94, 1693 г.—Обычай возведенія (благословенія) на ректуру по особому чину въ церкви—обычай довольно давній въ юго-западной Россіи: восходитъ ко времени устроенія здѣсь братскихъ школъ, бо́льшею частію при монастыряхъ. Одновременно съ ректоромъ-игуменомъ принимали святительское благословеніе на успѣшное веденіе порученнаго имъ дѣла и учителя и вообще «вся братія»

училищнаго монастыря. Въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора въ числѣ рукописей (по кат. № IV/77) находится Чиновникъ Архіерейскій, написанный «повеленіемъ Ясне въ Богу Превелебнѣйшаго его милости Отца Кyръ Діонисіа Балабана, Холмскаго и Белзскаго, Володымерскаго, Берестійскаго и Кременецъкаго Епископа Православнаго, року Божія 1650, мѣсяца октобріа 25 дня». Здѣсь, между прочими, помѣщенъ «Чинъ благословенія *ректора или игумена училищныя обители,* и учителей въ ней въ училища отсылаемыя, и всей братіи монастырской, *отъ Архіерея подаемое*».

Предлагаемъ описаніе сего Чина и нѣкоторыя извлеченія изъ него.

«По Божественной литургіи архіерей предъ святою трапезою стоя, начинаетъ: Благословенъ Богъ нашъ. Священници же, въ олтари сущіи, тихимъ и равнымъ гласомъ поютъ на гласъ 6: Царю Небесный. *Благословеніе же пріемляй* съ учителми и братіею предъ царскими стоятъ благоговѣйно откровенными главами».—За симъ: Отче нашъ; возгласъ; тропари на гласъ 8: «Яко посредѣ ученикъ твоихъ, пришелъ еси, Спасе, миръ дая имъ; пріиди къ намъ и спаси насъ»... и проч. Ектенія великая, со включеніемъ примѣнительныхъ къ случаю прошеній: «О еже низпослати... духа премудрости и разума, совѣта же и страха своего *въ сердцы, въ умѣ, и въ устехъ ихъ*»... «О еже подати *всѣмъ имъ съласное единомысліе, и единосовѣтіе, кромѣ всякаго разногласія и междособнаго раздѣленія*», и проч. «По ектеніи святителю обращшуся къ людемъ и ставшу въ царскихъ дверехъ, діакону же рекшу: Господу помолимся... святитель (надъ колѣнопреклоненными) глаголетъ молитву велегласно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, всегда благая и полезная о рабѣхъ твоихъ промышляяй, и образы къ спасенію предлагаяй, и всякому доброму предложенію благопоспѣшествуяй, въ ветсѣмъ завѣтѣ рабу твоему законоположнику Моусею избрати мужа мудры, и худоги, и разумичны, и поставити я обладати людемъ твоимъ повелѣвый; самъ же собою въ новой благодати двинадесятъ апостолъ и седмдесятъ учениковъ избравый, и Духомъ твоимъ святымъ въ видѣніи огненныхъ языкъ съшедщимъ умудрывый,

и тѣми весь миръ просвѣтивый, и къ познанію Тебе, истиннаго Бога, съ Отцемъ и Духомъ твоимъ святымъ въ единомъ существѣ сущаго обративый: Ты и нынѣ, смиренно молимъ тя, *избери и благослови раба твоего сего честнаго іеромонаха* (имя рекъ) *и Духомъ твоимъ Святымъ просвѣти и укрѣпи умъ его, въ еже мудро и твоему человѣколюбію благоугодно святую обитель и училища сія къ умноженію великолѣпныя славы всесвятаго имени твоего правити, строити же и окормляти, и смиренномудрно въ всякой любви, святини жъ и кротости святому твоему стаду, въ святой обители сей въ имя твое събранному, началствовати, и во всѣхъ добродѣтелехъ, благочестіи же и страси твоемъ, тѣхъ обучати и предводити*»... и проч. По окончаніи молитвы, ликъ: Аминь. Архидіаконъ: Главы ваша Господеви преклоните. Ликъ: Тебѣ Господи. Святитель глаголетъ молитву тайно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, вселившійся въ сердца дванадесяти апостолъ твоихъ нелицемѣрно благодатію Святаго Духа, сшедшаго въ виденіи огненныхъ языкъ, и сихъ упремудривый глаголати инѣми странными языки: самъ и нынѣ посли въ сердце и въ уста раба твоего іеромонаха (имя рекъ) духа премудрости, разума»... и проч. Молитва заканчивается возгласомъ: «Ты бо еси просвѣщеніе»... и проч.—«*Посемъ абіе колѣнопреклонивый встаетъ, и станетъ предъ святителемъ. Святитель же, вземъ посохъ игуменскій, даетъ ему, глаголя:* «Пріими жезлъ сей, брате, мною отъ руки Христовой тебе подаемый, имъ же опасно со всякимъ вниманіемъ блюди *преданную ти мною службу*»... и проч. Послѣ сего «вземъ (святитель) правила иноческія, подаетъ ему, глаголя: Пріими, брате, правила и законы иноческаго общежительнаго устава, и виждь яко отъ руки Христовы мною тебѣ и всему святому събранію святыя обители сея преподаются»... и проч.—Чинъ заканчивается сугубою ектеніею, въ которую тоже включены соотвѣтствующія случаю прошенія.

[40]) Съ такимъ исключеніемъ встрѣчаемся почти въ самомъ началѣ XVIII столѣтія: Гедеонъ Одорскій до избранія своего на ректуру въ кіево-могилянской коллегіи *не состоялъ въ ней преподавателемъ* (не былъ и воспитанникомъ коллегіи; подробности о немъ см. въ упомянутой нашей статьѣ: *Гедеонъ Одорскій).*

[41]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ довольно значительномъ количествѣ сохранившіяся (въ кіевскихъ архивахъ: консисторскомъ, кіево-выдубицкаго монастыря и друг.) представленія ректоровъ Академіи кіев. митрополитамъ. Они обычно дѣлались въ началѣ каждаго учебнаго года, причемъ иногда указывалось нѣсколько кандидатовъ, способныхъ занять ту или иную каѳедру. Иногда такихъ кандидатовъ намѣчалъ и *приглашалъ* къ занятію каѳедры самъ митрополитъ (см. письмо митроп. Варлаама Ясинскаго къ Прокопію Колачинскому, отъ 24 іюня 1695 г., напечатанное въ *Лѣтописи Самоила Величко*, изд. 1855 г., въ Кіевѣ, т. III, стр. 348—352). О заботливости Варлаама Ясинскаго при замѣщеніи академическихъ каѳедръ въ самомъ началѣ XVIII стол., когда участившіеся вызовы въ Москву преподавателей Академіи ставили ее въ затруднительное положеніе, свидѣтельствуетъ письмо сего митрополита къ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Малорос. Приказа*, № кн. 83, л. 471).

[42]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ упомянутыя въ предшествующемъ примѣчаніи представленія ректоровъ митрополитамъ.

[43]) Однако дѣлать изъ констатированнаго факта (что съ переходомъ наставника на другую высшую каѳедру переходили вмѣстѣ съ нимъ и оказавшіе хорошіе успѣхи воспитанники) *широкія обобщенія и выводы*, отъ общаго къ частному, должно съ большою осторожностію, во избѣжаніе ошибокъ. Одна изъ такихъ ошибокъ, и именно вслѣдствіе указаннаго широкаго обобщенія, допущена въ не-разъ упомянутомъ сочиненіи проф. Н. И. Петрова: *Кіев. Академія во второй половинѣ XVII стол.* «Въ $164^{6}/_{7}$ учебномъ году—читаемъ здѣсь—профессоромъ реторики въ кіевобратской коллегіи былъ Лазарь Барановичъ. По естественному порядку вещей, въ слѣдующихъ $164^{7}/_{8}$ или $164^{8}/_{9}$ учебныхъ годахъ, Лазарь Барановичъ долженъ бы былъ перейти на каѳедру философіи; *но этого на самомъ дѣлѣ не случилось, потому что непосредственный ученикъ Лазаря Барановича по инфимѣ и реторикѣ Іоанникій Галятовскій уже не былъ ученикомъ его въ философскомъ классѣ. Слѣдовательно* философію въ 1647—1648 гг.

преподавалъ кто-либо другой..» (далѣе дѣлаются предположенія, кто могъ быть этотъ другой, куда выбылъ изъ Кіева Барановичъ и т. п.; см. стр. 22—23).—Но тотъ фактъ, что Галятовскій, будучи ученикомъ Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, не слушалъ его лекцій по философіи, отнюдь не даетъ основанія для категорическаго утвержденія, что послѣдній и не преподавалъ философіи, ибо передвиженіе наставниковъ изъ одного класса въ другой не всегда сопровождалось такимъ же передвиженіемъ *и всѣхъ, даже даровитыхъ*, ихъ слушателей (послѣдніе могли заболѣвать, отправляться для образованія за-границу и т. п.). А что это имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ,—имѣется свидѣтельство несомнѣнное.

Извѣстіе, что Іоанникій Галятовскій былъ ученикомъ Лазаря Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, имѣетъ своимъ первоисточникомъ заявленіе самаго Галятовскаго. Посвящая Барановичу свое сочиненіе: *Stary Kościoł Zachodni nowemu Kościołowi Rzymskiemu Pochodzenie Ducha Ś. od Oyca samego pokazuie...* et caet. (1678 г.),—онъ въ обширной посвятительской предмовѣ, распространившись о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Барановичемъ, отмѣчаетъ между послѣдними и то, что «когда онъ—Галятовскій—началъ учиться въ кіевскомъ коллегіумѣ, велебный милостивый панъ (т. е. Л. Барановичъ) былъ его первымъ магистромъ въ инфимѣ и грамматикѣ, а потомъ его профессоромъ и въ реторикѣ»... Но *въ этой же посвятительной предмовѣ*, только нѣсколько выше, гдѣ рѣчь идетъ о высокихъ дарахъ, коими надѣленъ отъ Господа Барановичъ,—дарахъ, которые онъ въ землю не зарылъ, а щедро надѣляетъ ими и другихъ людей,—говорится, между прочимъ, и *объ его преподаваніи въ кіевской коллегіи философіи.* «Первѣе всего—читаемъ здѣсь—тѣ дары ты раздавалъ съ каѳедры школьной, въ то время, когда *въ кіевской коллегіи*, собравшимся сюда для изученія свободныхъ наукъ, молодымъ людямъ *преподавалъ философію.* (Te dary... naprzod z Cathedry szkolney, ucząc *w Collegium Kiiowskim*, młodzi, dla dostąpenia wyzwolonych nauk zromadzoney, podawales, *gdy Philosophią tradowales...*»).

[44]) Исторія Кіевской Академіи: Соч. воспитанника ея іеромонаха *Макарія Булгакова* (впослѣдствіи митрополита московск.). Спб. 1843 г., стр. 52.

[45]) Акты кіево-братскаго монастыря и Академіи, собранные В. Аскоченскимъ (рукоп. библ. Кіев. Академіи), т. II, № 5.—Этотъ интересный документъ легъ въ основу статьи, помѣщенной нами въ апрѣл. книжкѣ *Кіевской Старины* за 1889 г., подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе».

[46]) Ibid.

[47]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья*; № кн. 38, л. 27 и слѣд.; *Ibid.* № кн. 42, л.л. 36—40. Срав. *Ibid.* № кн. 8, л. 17 об.; *Ibid.* № кн. 12, л. 36; *Ibid.* № кн. 14, л.л. 4—5.—Всѣхъ торжественныхъ молебновъ, соборне духовенствомъ совершаемыхъ, къ концу XVII стол. было одинадцать. Обычная плата за нихъ была такая: митрополиту по 5 рублей, «игуменомъ по полтинѣ, намѣстникомъ по полуполтинѣ, іеромонахомъ и іеродіакономъ по гривнѣ у молебна». (Ibid. *Дѣла Прав. Сената по Малорос. экспедиціи,* № кн. $^{5}/_{1732}$, л. 229). Но съ 1697 года дача за молебны была убавлена. Въ только что процитованномъ документѣ—указѣ отъ имени государя (отъ 12 февр. 1703 г.), посланномъ въ Кіевъ въ отвѣтъ на челобитную кіевскаго духовенства,—читаемъ: «Съ пріѣзду въ Кіевъ боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи, дается имъ игуменомъ, іеромонахомъ, іеродіакономъ, противъ вышеписанной дачи *съ убавкою,* а въ иные дни на наши Государскіе ангелы у молебнаго пѣнія и ничего имъ не дается; и нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, кіевскихъ монастырей игумены и намѣстники и іеромонахи и іеродіаконы, съ прошлаго де со 184 (1675—1676 г.г.) по 205 (1696—1697 г.) годъ, по нашему Великаго Государя указу давано имъ на наши Государскіе ангелы за молебное пѣніе по вся годы, а нынѣ даютъ имъ въ году только въ 2-хъ числѣхъ: іюня 29, да марта 31-го, а въ прочихъ 9-и числѣхъ не даютъ, и намъ Великому

Государю пожаловати бы ихъ: велѣть съ прошлаго 205-го года по нынѣшній 1703 годъ *недодаточныя молебныя деньги имъ выдать и впредь давать имъ противъ прежнихъ дачъ, почему давано имъ со 184 г. по 205 годъ*». Государь указалъ: «кіевскихъ монастырей игуменомъ, іеромонахомъ и іеродіакономъ, которые будутъ на наши Государскіе ангелы въ соборной церкви съ богомольцемъ нашимъ, съ преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Малыя Россіи, у молебнаго пѣнія *въ дѣйствѣ и въ облаченіи,* молебныя деньги въ нынѣшнемъ 1703-мъ году *давати на всѣ дни сполна,* почему имъ давано до 205-го года изъ Кіевскихъ доходовъ, и тѣ дачи записывать въ Кіевѣ въ Приказной палатѣ въ расходныя книги и въ смѣтные годовые списки: писать имянно всякаго порознь и особо статьею по имянамъ; а впредь по чему имъ игуменомъ, и іеродіакономъ, и іеромонахомъ на наши Государскіе ангелы отъ молебнаго пѣнія давать, о томъ нашъ, Великаго Государя, указъ присланъ будетъ впредь».—(Срав. Ibid. *Кн. Кіев. Повытья,* № 37, л.л. 2—5).—Оплачивалось также, по опредѣленной таксѣ, и панихидное пѣніе. (Ibid. *Кн. Кіев. Повытья,* № 6, л. 32 об.; № 8, л. 15 об.; № 29 л.л. 46, 47 и друг.).

[48]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья,* № кн. 38, л. 30; № кн. 42, л. 37 и друг.—Обычно давалось «по десяти алтынъ».

[49]) Ректору и префекту давались иногда митрополитомъ почетныя порученія, что—разумѣется—соединено было съ нѣкоторыми матеріальными выгодами. Такъ въ 1692 году ректоръ кіево-могилянской коллегіи Іоасафъ Кроковскій и *префектъ Силуанъ Озерскій* посланы были митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ г. Вильно для ознакомленія на мѣстѣ съ волненіями («смятеніями»), происходившими въ Виленскомъ православномъ братствѣ, «для разсмотрѣнія чину духовнаго и для избранія старшаго Виленскаго». (Обширный отчетъ объ этой поѣздкѣ, составленный Кроковскимъ, находится въ упомянутомъ дѣлѣ 1693—1694 г.г., хранящемся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Отчетъ этотъ, *отъ начала до конца изобилующій цѣнными исто-*

рическими данными, приготовленъ нами къ печати и войдетъ въ одинъ изъ первыхъ томовъ *Матеріаловъ*, уясняющихъ прошлое нашей Академіи, появленіе которыхъ въ свѣтъ, благодаря *живѣйшему участію* въ семъ дѣлѣ пресвященнаго отца ректора нашего, можно ожидать не въ отдаленномъ будущемъ).—«Въ (1)712 году августа въ первыхъ числѣхъ присланы были изъ Кіева отъ митрополита игуменъ Кириловскій Евстратій Санбуровичъ *да префектъ училищъ кіевскихъ Селивестръ Пиковскій для осмотру по церквамъ благочинія* въ протопопію Гадицкую» и другія три (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1712 г., № 38).—Въ 1703 г., ректору Академіи Гедеону Одорскому дано было порученіе освятить въ Бѣлой Церкви костелъ, отобранный отъ католиковъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья*, № 39, л. 229 об.).—Въ 1692 году на освященіе «мурованной» церкви Преображенія Господня въ монастырѣ мгарскомъ лубенскомъ вмѣстѣ съ митрополитомъ приглашены были многія духовныя лица города Кіева, а въ томъ числѣ и ректоръ кіево-могилянской коллегіи Іоасафъ Кроковскій.—Разумѣется, подобныя приглашенія случались не часто; но все-таки случались и иногда оплачивались щедро. Приведемъ здѣсь очень любопытную выдержку о расходахъ мгарскаго монастыря при освященіи упомянутой Преображенской церкви, записанныхъ современникомъ въ мѣстную лѣтопись, подъ рубрикою: *За посвященіе церкви кому якая нагорода была.* «Напредъ,—читаемъ здѣсь,—Ясне въ Богу Преосвященному его милости митрополиту отцу Варлааму Ясинскому червонихъ двадцять и талярей двадцять; колясу пароконную с конмы и шорами, и с коверцами, и что до коляси належитъ, и другую колясу пароконную с конми бѣлими и с коверцами; палубь пароконный и што въ палубь належить; возовъ с конми шесть простихъ, з накладами жита осмачокъ пятьдесять, пшеницѣ осмачокъ двадцать; и еще коверцовъ два; роструханъ з покрышкою великій позлоцѣстій.

Отцу Силвестру Головчичу, игумену Золотоверхомихайловскому, червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ срѣбній злоцѣстій дали.

Отцу Инокентію Монастырскому, ігумену Святокирилскому, червонихъ пять, талярей пять и кубокъ злоцѣстій дали.

Отцу Іоасафу Круковскому (sic!), *игумену Святониколскому киевскому* (выше онъ титулуется и ректоромъ), червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ злоцѣстій дали.

Диякону его Косовскому два талляри дали.

Чѣляди его два таляри дали.

Отцу Пахомію Прокоповичу, архидіякону пастирскому, червонихъ десять и талярей десять, и кубокъ злоцѣстій, и колясу пароконную московскую (за сѣмь рублей купили), и палубь с конми, и наметъ дали.

Отцу Мелетию, архидіакону пастирскому и подскарбому, червонихъ десять и талярей десять; дали и роструханъ.

Поповскому, сестренцевѣ пастирскому, ложекъ двѣ складанихъ, сребранихъ, пстро позлоцѣстихъ дали в талярей двадцять.

Отцу Антонию Левенцу, писару пастирскому, червоного и три таляри дали.

Отцу Іосифу Стрижевскому, подархидіякону, червоного и пять талярей дали и колясу.

Отцу Іанникию Селѣтовичу, дякону пастирскому, червоного и пять талярей дали.

Отцу Иустину Базѣлевичу, казнодѣи, червоного и три таляри дали.

Отцу Захаріи Корнилевичу червоного и два таляри дали.

Отцу Ефрему Смѣдинскому, капелану пастирскому, червонихъ два и талярей пять, и кубокъ злоцѣстый дали.

Отцу Анфилохію, кухмистру, талярей пять дали.

Кухарамъ и паштетникомъ золотихъ двадцять дали.

Каленнику, слузѣ покоевому, талярей пять дали.

Трояновскому, также слузѣ, талярей пять и опанчу дали.

Ластовскому, конюшому пастирскому, талярей шесть и опанчу дали.

Хлопцамъ пастирскимъ двомъ чотирѣ таляри дали.

Спѣвакамъ десять золотихъ дали.

Возницямъ пастирскимъ десять золотыхъ дали».

Далѣе идутъ расходы при освѣщеніи церкви на угощеніе, очевидно, громадной массы народа. (Изъ рукописи, принад-

лежащей священнику Полтавской епархіи, о. В. Романову. Около половины этой рукописи занимаетъ: «Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густинскаго святыя живоначальнія Троицы храма: въ лѣто Бытія мира 7111, отъ воплощенія же Бога Слова тысяча шесть сотъ тринадцятого, мѣсяца мая пятого дня»,—лѣтописецъ почти ничѣмъ,—кромѣ незначительныхъ варіантовъ,—не отличающійся отъ изданнаго въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1848 г.; но вторая половина его, состоящая изъ разнаго рода документовъ и замѣтокъ,—въ полномъ видѣ еще не издана. Въ настоящее время приготовлена къ изданію помянутымъ о. Романовымъ, которымъ сообщена намъ для нѣкоторыхъ указаній при предположенномъ ея изданіи).

[50]) См. цитованное выше письмо Ѳеоф. Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 года.

[51]) Подробнѣе см. въ упомянутой нашей статьѣ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол.».

[52]) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ, 1865 года. Письмо 30.

[53]) О многочисленности воспитанниковъ Кіев. Академіи свидѣтельствуетъ москов. священникъ Іоаннъ Лукьяновъ (см. «Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей». Кіевъ, 1874 г, отд., II, стр. 121).—Болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ учащихся въ Академіи *(«болѣе 2000»)* находятся въ «Запискахъ» датскаго посланника при Петрѣ Великомъ *Юста Юля*, бывшаго въ іюнѣ—іюлѣ 1711 года въ Кіевѣ (см. переводъ съ датскаго сихъ Записокъ Ю. Н. Щербачева въ *Чтен. Импер. Общества Исторіи и Древ. при Москов. Университетѣ* за 1899 г., кн. 3, отд III, стр. 346).—Чума, свирѣпствовавшая въ Кіевѣ съ марта 1710 г. по генварь 1711 года, когда жители разбѣгались изъ города, разознала большинство и питомцевъ Академіи (оставалось въ 1711 г. только около 100,—о

чемъ см. того же Юста); но, разумѣется, это было явленіемъ временнымъ.

[54]) Помѣщаемъ въ полномъ видѣ инструкцію, данную академическимъ начальствомъ для воспитанниковъ, размѣщавшихся въ домахъ при кіевскихъ церквахъ,—инструкцію, по времени относящуюся къ половинѣ XVIII стол., но, безъ сомнѣнія, констатирующую бытовыя черты и болѣе ранняго времени.

«ИНСТРУКЦІЯ

находящимся по школамъ при церквахъ Кіевоподолскихъ студентамъ, въ Академіи Кіевской 1750 года, февраля « » дня сочиненная.

1.

Въ началѣ которіе студенти желаютъ в школѣ жить, входилибъ въ онія непремѣнно за благословеніемъ настоятелей; которимъ студентомъ, ежели будутъ угодни къ пѣнію или чтенію церковному, или хотя и неугодни явятся, однакъ ежели не с природи неуладни, но толко потому, что в томъ не обучалися, а обучатися прямо желаютъ, от отцев настоятелей, ежели не послѣдуетъ добрим, прежде вышедшимъ въ школу, студентам утѣсненія, не будетъ возбранено въ школѣ жить.

2.

На утренью ежеденно долженъ учрежденній сеніоръ висилать двоихъ студентовъ очередно, и буде ли гдѣ ихъ студентовъ много живетъ, то и болше, для чтенія Псалтири, каноновъ, и для пѣнія; а въ которой день въ школахъ латинскихъ не обучаются, яко то въ недѣльные, праздничніе, а найпаче выкторіальные и высокоторжественніе дни,—то всѣ, сколко ихъ живетъ въ школѣ, должны быть на всѣхъ отправахъ церковныхъ на крилосахъ, развѣ единого оставить на куренѣ, и то такого, который менше годится.

3.

Гдѣ (при) всякой школѣ двѣ избѣ, то одна должна быть студентамъ въ жилье, а другая дячку для обученія прихожанскихъ

дѣтей, ежели онихъ прихожанскихъ дѣтей будетъ доволно, и по пропорціи числа студентовъ; буди же малое число таковихъ прихожанскихъ дѣтей, а студентовъ много, то студенти і въ дячковской избѣ должни мѣститися, безъ всякой обыди дячку. А естли в школѣ одна изьба, то должни бить в ней два стола: еденъ для студентовъ, а другой для дячка и для прихожанскихъ, у него обучающихся, дѣтей, и тіе столи били бъ такожъ по пропорціи студентовъ и прихожанскихъ дѣтей, почему студенти дѣтей прихожанскихъ от их стола отганять и книжками их об землю бросать отнюд не должни.

4.

Церковніе книги для клироса въ дячковомъ вѣдомствѣ быть должни и безвѣдома настоятеля или дячка онихъ студенти отнюд не бралиб къ себѣ.

5.

Учащихся дѣтей у дячка русской грамоти до себе студенти не отнимали бы, и не переманивали бы, развѣ бы самъ отецъ настоятель, по усмотрѣнію своему, или родитель учащагося (яко в волѣ отческой дѣти состоятъ) поручилъ сына своего въ наученіе студенту; в такомъ случаѣ, такожъ и когда уже дѣти заправляются латини, дячокъ студентамъ не долженъ мѣшать

6.

Естли покажется в якой школѣ сварливой между студентами, или непостоянной, или къ церквѣ вовся лѣнивій, то священникъ приходскій по третом увѣщаніи словесном, силенъ такого вислать изъ школи без сношенія съ Академіею.

7.

Мѣста въ школѣ и коморки въ жилье студентамъ, гдѣ кому по достоинству школи, прилежанію въ ученіи, постоянству, способности и раченію къ церквѣ, опредѣлитъ настоятель, тѣм бы всяк и доволствовался, а сами бы собою мѣстъ и коморок не занимали.

8.

Опредѣлено въ первомъ пунктѣ, чтобы никто без настоятелского вѣдома въ школу не входилъ, а здесь опредѣляется, чтобъ пожившіи въ школѣ, ежели которому на вакаціи либо епетиціи случится изъ школи отлучитися, то возвратившися с вакацій, паки долженъ благословитися у отца настоятеля входить въ школу. Такожъ и ежели бы якого съ собою нищаго привелъ, и того долженъ отцу настоятелевѣ представить и благословеніе на него взять. А многихъ мѣщанских или священническихъ дѣтей, могущихъ на квартерахъ прокормитися, въ школу входит и съ ними коморки занимать, и тѣмъ другихъ утѣснять, отнюд студенти не дерзали бы.

9.

Гдѣ в шпиталях калѣки, не могущіе звонить, или старцов мало, или вовся их нѣтъ, то когда звонить во всѣ звони надобно, таковая услуга хлопцами студентскими или самими студентами меншихъ школъ отправлятися должна.

10.

О праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова съ крестом по прихожанам не должни всѣ студенти, въ школѣ живучіе, ходить, но имѣетъ сеніоръ очередно, по три или четири человѣка, опредѣлять для полученія на всю бурсу милостини, и чтобъ опредѣленніе, ходя, не похищали, не упивались и не задирались ни з сами съ собою ни съ дячкомъ.

11.

Чистоту по школамъ в метеніи избы, о бережност в паленіи печи и всякій порядок против общей бурси, во всемъ по школам содержанъ бить долженъ.

12.

Наконецъ, вси студенти, живучіе по школамъ, священникамъ, а найпаче отцам настоятелям, досаждать, договаривать, фучать, противъ их глаза викривлять и какъ нибуд презират ихъ, весма не дерзали бъ; но напротивъ того должное имъ почи-

таніе чинили бъ, и со всякою учтивостію пред ними обходилися бы, чимъ особливую къ себѣ отцевъ настоятелей склонность и благопрезрѣніе могут снискать; а противніи, какъ сему конечному, такъ и всѣмъ здѣ означенним пунктамъ, безъ респекту, гдѣ надлежитъ, будутъ наказаны». (Съ копіи, хранящейся въ Архивѣ Кіево-Выд. монастыря).

[55]) О «*бурсѣ Братское спѣвацкое*» упоминается въ «выписи з книгъ мѣскихъ права Магдеборского Ратуша кіевского», заключающей осмотръ (въ маѣ 1693 г.) имущественныхъ владѣній братскаго монастыря въ г. Кіевѣ, произведенный мѣстными властями по просьбѣ ректора Іоасафа Кроковскаго (см. *прилож.* къ сочиненію Н. Мухина: «Кіево-братскій училищный монастырь», № XXI, стр. 376.—Срав. Памятники Кіев. Ком. для разбора древ. актовъ. Изд. 1898 г., т. II, № XXXV, стр. 481).

[56]) *Возобновителемъ* конгрегацій, учрежденныхъ П. Могилою, преосв. Евгеній («Описаніе Кіево-Соф. собора». Кіевъ, 1825 г.; см. *прибавленія*, стр. 205) считаетъ ректора кіево-могилянской коллегіи Іоасафа Кроковскаго. Но такъ какъ свое заявленіе преосв. Евгеній не подкрѣпилъ ссылкою на документальныя данныя, то за послѣднее время этотъ фактъ подвергается сомнѣнію. «Надобно полагать,—пишетъ въ своемъ сочиненіи о «Кіевской Академіи за вторую половину XVII стол.» проф. Н. И. Петровъ (см. стр. 120), – что Іоасафъ Кроковскій *не возстановилъ устроенныя будто бы Петромъ Могилою конгрегаціи,* но или одну прежнюю конгрегацію раздѣлилъ на двѣ, т. е. на меньшую для учениковъ низшихъ классовъ, съ посвященіемъ ея св. Владиміру, и на бо́льшую для студентовъ богословія и философіи, съ посвященіемъ Борису и Глѣбу, или же, что вѣроятнѣе, далъ прежнимъ конгрегаціямъ новыя названія».—Но дѣло было именно такъ, какъ представляетъ его преосв. Евгеній, т. е. что *возобновителемъ* конгрегацій (точнѣе, *конгрегаціи,* на двѣ части подраздѣлявшейся) былъ Кроковскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохраняющееся до настоящаго времени въ конгрегаціонной церкви Евангеліе въ серебрянномъ окладѣ («Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, и при немъ

Псалтирь», изд. 1692 г. въ Кіево-Печ. Лаврѣ, in 4), пожертвованное 25 марта 1701 года Іоасафомъ Кроковскимъ, въ то время архимандритомъ кіево-печерской Лавры, и на окладѣ имѣющее надпись, констатирующую указанный фактъ. Евангеліе это извѣстно было В. Аскоченскому: онъ даже приводитъ надпись, вычеканенную на его окладѣ,—но приводитъ въ страшно искаженномъ видѣ, что и не избавило изслѣдователей (Н. И. Петрову надпись, искаженная Аскоченскимъ, была извѣстна) отъ недоразумѣній. Приводимъ надпись, какъ она вычеканена на окладѣ упомянутаго Евангелія:

«Hoc sanctum Iesu Christi Evangelium obtulit *sodalitati* | *Marianae Kiiovomohilaeanae* in perpetuum usum Illusrissimus | ac Reverendissimus in Christo Pater Iosaphus Krokowski, Sacrae Thaumaturgae | Lavrae Pieczariensis Abbas Emeritissimus, *Erector Congregationis* | *eijusdem post Mohilam piae Memoriae primus.* anno quo | Deus erexit lapsum hominem, 1701 Martii 25» [1]).

На нижнихъ поляхъ этого Евангелія (начиная съ 5-го по об. 16 включительно) находится слѣдующая собственноручная надпись (полууставомъ) тогдашняго ректора кіево-могилянской коллегіи Прокопія Колачинскаго: «Сіе Божественное Евангеліе | надавъ по милости своей | Ясне въ Богу Превелебный Его Милость Господинъ отецъ | Іоасафъ Кроковскій, Архимандрита святія | великія чудотворніе Лавры Печерскіа Кіевскіе | до Собранія Младенческаго подъ именемъ | Благовѣщенія Пресвятія Дѣвы Богородици, въ Коллеюмъ | Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающагося, которое | Евангеліе да никтоже отъ тогожде Собранія дерзнетъ оддалити, себѣ употребляючи | подъ неблагословеніемъ Божіимъ, и запрещеніемъ Пресвятои Дѣвы Богородици, тое Собраніе сыновъ своихъ | покровомъ святымъ своимъ соблюдающей, сице подъ | писаніемъ руки моей власной дерзнухъ извистити, | аще и не достоинъ, Прокопій Колачинскій, ректоръ | и Игуменъ мона-

[1]) Приводимъ надпись, какъ она напечатана В. Аскоченскимъ: «Hoc sanctum Evangelium obtulit societati Marianae *Academiae Kiioviensis rector* emeritissimus, archimandrita Kiiovopieczariensis Lavrae sanctae Ioasaphus Krokowski anno, quo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25». (Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—Академіею, т. I, стр. 261).

стыря Братского Кіевского, року **аѱа** (1701), мѣсяца марта, дня **кѣ** (25)».

[57]) См. печатное «Извѣщеніе вкратцѣ како сооружися Божественное Евангеліе», пожертвованное въ началѣ XVIII стол. въ конгрегаціонную академическую церковь бывшими коллегіатами.—Извѣщеніе это вполнѣ перепечатано нами въ *примѣч.* къ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 622—628).

[58]) Вицепрефекты назывались также *ассистентами*, нотаріи—*секретарями*. Приводимъ здѣсь подписи на прошеніи представителей конгрегацій, отъ 5 ноября 1725 года (внизу прошенія на правой сторонѣ): «Ѳеодоръ Трофимовичъ, Болшой конгрегаціи *Префектъ*.—Андрей Нарожнѣцкій, *Ассистентъ первій* той же конгрегаціи.—Тихонъ Щербацкій, *Секретарь* той же конгрегаціи.—Николай Величковскій, *Ассистентъ* той же конгрегаціи.—Ѳеодоръ Волянскій, *нотарій* того же собранія».—Противъ этихъ подписей, на лѣвой сторонѣ: «Іоанъ Богдановичъ, *превектъ* меншой конгрегаціи.—Василій Зарудній, *ассистентъ* первій той же конгрегаціи.—Михайло Велецкій, *Ассистентъ* вторій.—Іоанъ Шѣковецъ, *секретарь* меншой конгрегаціи.—Петръ Галецкій *вицесекретарь*» (Румянцовскій Музей въ Москвѣ. *Собраніе рукоп. Лукашевича*, № 375).

[59]) См. только что процитованный (въ *примѣч.* 58) документъ, заключающій жалобу конгрегаціи о возвращеніи взятыхъ у нея заимообразно 1000 злотыхъ, доселѣ неуплаченныхъ Это—подлинникъ. На немъ сохранился и оттискъ печати конгрегаціонной.

[60]) См. «Краткое извѣстіе о началѣ Кіев. Академіи»... и проч., помѣщенное въ *прибавленіяхъ* къ «Описанію Кіево-Соф. Собора» (Кіевъ, 1825 г.), подъ № 41.—Ученики низшихъ классовъ коллегіи, выпрашивая по домамъ подаяніе, обыкновенно пѣли стихи, начинавшіеся словами: «*Миръ* Христовъ да водворяется въ домахъ вашихъ (или: въ сердцахъ вашихъ), за молит-

вами отецъ нашихъ»...,—почему это пѣніе и выпрашиванія назывались *миркованьемъ*.—Другіе способы пропитанія бѣдныхъ питомцевъ Академіи: «Въ вакаціи лѣтнія, составивъ изъ себя артели, уходили они по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ для збору подаяній, пѣвали по церквамъ приходскимъ службы, а по домамъ разные канты, и также говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч Сіи хожденія назывались *епетиціями*». (До нашего времени сохранилось нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ отъ академическаго начальства для такихъ, отправлявшихся на вакаціонные сборы, воспитанниковъ). «Лучшіе студенты и ученики, по выбору и назначенію префекта Академіи, имѣли пропитаніе отъ шляхетныхъ достаточнѣйшихъ дѣтей, жившихъ по квартирамъ, нанимаясь у нихъ въ инспекторы надъ ученіемъ и поведеніемъ, и такой наемъ назывался кондиціею».—Этотъ обычай видимъ въ кіево-могилянской коллегіи съ первыхъ годовъ ея существованія (см. наше сочиненіе: «Исторія Кіев. Дух. Академіи. Вып. I, Кіевъ, 1886 г.—*прилож.*, № XI, стр. 78; о началѣ XVIII стол. см. рукоп. Кіево-Соф. Библ., № 219 in fin.; въ духовномъ завѣщаніи Ивана Берла,—отца извѣстнаго Арсенія Берла, епископа переяславскаго, питомца кіево-могилянской коллегіи,—говорится: «не без коштy и тое било черезъ колко роковъ намъ изъ жоною Мазапетовною господи наймовати, *за науки школъ кіевскихъ синамъ Василію и Арсенію інспекторамъ платити готовизною и кому того часу належало*». См. Кіев. Старину за 1899 г., № 1, стр. 126). Обычно кондиціи первѣе всего предоставлялись нуждавшимся ученикамъ богословскаго и философскаго классовъ. Уклоненіе отъ этого правила, напр., предпочтеніе риторовъ предъ богословами и философами,—вызывало со стороны послѣднихъ энергичные протесты и жалобы къ митрополиту на академическое начальство.—Могли быть и другія случайныя (а потому не частыя и для не многихъ) источники вспомоществованій. Въ дневникѣ извѣстнаго шотландца Патрикія Гордона, въ 1684—1685 г.г. жившаго въ Кіевѣ, подъ 3-мъ ноября 1684 г., описываются похороны его недорослаго сына. Въ похоронной процессіи участвовали учителя и

ученики братской школы; послѣдніе участвовали въ качествѣ свѣченосцевъ и пѣвчихъ. По окончаніи церемоніи, передъ гробомъ два студента произнесли утѣшительныя рѣчи. Пѣвцамъ и обоимъ ораторамъ дано было 1½ рубля; а студентамъ, несшимъ свѣчи, двѣ гривны. (Извлеченія изъ означеннаго дневника въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1875 г.; см. № 2, стр. 61). О произнесеніи студентами коллегіи рѣчей надъ гробомъ боярыни Шереметевой, *Ibid.*, № 5, стр. 194.

[61]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. II, стр. 120—121.

[62]) Описаніе Кіево-Соф. Собора. Кіевъ, 1825 г. *Прибавл.*, № 41, стр. 208 и слѣд.

[63]) «Въ Философіи и Богословіи, вмѣсто экзаменовъ, были годовые публичные диспуты, которые производились торжественнѣе по окончаніи двугодичнаго курса. Въ семъ случаѣ наканунѣ диспутовъ, или въ тотъ день по утру, прибита бывала на святыхъ воротахъ Братскаго монастыря конклюзія предметовъ диспута большимъ разрисованнымъ листомъ. *Въ послѣднія же времена сіи листы бывали уже печатные съ посвященіемъ имени Архипастыря*» (*Ibid.*, стр. 224). Къ подчеркнутымъ словамъ слѣдуетъ сдѣлать поправку: «конклюзіи» предметовъ диспута (тезисы) *печатались и въ XVII столѣтіи съ посвященіями ихъ митрополиту*. (Очевидно, обычай этотъ идетъ отъ временъ могилянскихъ). Приведемъ относительно этого извѣстіе изъ сочиненія Ѳеофила Рутки конца XVII столѣтія, тѣмъ болѣе любопытное, что оно свидѣтельствуетъ объ одной слабой сторонѣ тогдашняго богословствованія коллегіатовъ, какъ не вполнѣ еще освободившихся отъ латинскихъ догматическихъ воззрѣній. Вотъ это извѣстіе: «Collegium Kijowskie... sentencyi pobożney o Niepokalanym Poczęciu Panny Nayświętszey mocno i zgodne (rozumiem, że non sine Numine et Lumine Mariae) chwyciło, ktorą Papieżowie Rzymscy trzymaią; co się iasne z roznych koncluziy tak filosoficznych iako i Theologicznych, *w Kijowie drukowanych* y tym wyznaniem iakoby zapieczętowanych, pokazuie, a osobliwie z tych,

ktore tam R. P. 1695 wydrukowano i I. M. O. Barłaamowi Iasienskiemu, Metropolicae Kijowskiemu, przypisano. Во сію w nich słowa conclusione 7 najduią: «Beatissima haec sponsa, et ante partum, in partu, et post partum est Virgo sine labe Originali concepta» *(Herby albo znaki kościoła Prawdiwego...* et caet. Lublin, 1696 г.).

[64]) «Въ прежнія времена—говоритъ преосв. Евгеній—не только академическіе учители, но и сторонніе, и ученые иновѣрцы допускаемы были предлагать на разрѣшеніе свои возраженія, и часто диспуты происходили жаркіе по нѣскольку часовъ» (Описаніе Кіево-Соф. собора *Прибавл.* стр. 224). Мы уже упомянули (см. *примѣч.* 16), что въ 1646 году былъ даже трехдневный диспутъ кіевскихъ коллегіатовъ съ іезуитомъ Циховскимъ (два дня онъ происходилъ въ самой коллегіи. а одинъ день въ кіево-никольскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время настоятельствовалъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, бывшій предъ тѣмъ ректоромъ коллегіи. Но, разумѣется, диспутъ этотъ былъ изъ ряда обычныхъ выходящій).

[65]) Въ упомянутомъ дневникѣ Гордона есть извѣстіе, что онъ *въ великую пятницу* со многими другими отправился *въ Братскій монастырь*, чтобы быть тамъ *на школьной церемоніи* (Shulactus),—которая, надо полагать, состояла въ произнесеніи приличныхъ случаю діалоговъ воспитанниками коллегіи *въ самой церкви* (какъ, напр., это бывало во Львовскомъ братствѣ).

Что діалоги, комедіи и т. п. составлялись не только профессорами поэтики, но и учениками, притомъ коллективно, объ этомъ свидѣтельствуютъ находящіяся на нѣкоторыхъ изъ такихъ произведеній замѣтки съ указаніями на ихъ авторовъ.

[66]) Трехсвятительская и Воздвиженская церкви, съ ихъ угодьями, приписаны были къ кіево-братскому монастырю *въ 1638 году* (подробности см. въ нашемъ сочиненіи: «Кіев. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Кіевъ, 1898 г., т. II, стр. 435 и слѣд.). О судьбѣ Трехсвятительской церкви см. нашу статью въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1899 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи Трехсвятительской церкви въ

XVII стол.»—Воздвиженская церковь «въ 184 (1676—1677) году, въ приходъ непріятельскихъ крымскихъ людей, отъ пушечной стрѣльбы сгорѣла». Въ 1690 году, когда въ Братскомъ монастырѣ приступлено было къ постройкѣ каменной Богоявленской церкви въ замѣнъ небольшой деревянной того же имени, послѣдняя была перенесена на мѣсто сгорѣвшей Воздвиженской и освящена во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, съ каковаго времени носила двойное названіе—*Андреевской* и *Воздвиженской*. Подробности объ этомъ см. въ обширномъ примѣчаніи къ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 614—619). Благовѣщенская церковь до пожара 1658 г., помѣщалась *«въ самыхъ воротахъ»* (не вблизи ли воротъ?) Братскаго монастыря («Путешествіе антіох. патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.» Павла Алеппскаго. Переводъ *Г. Муркоса*, вып. II, Москва 1897 г., стр. 78). Борисо-Глѣбская небольшая церковь была въ каменной трапезѣ, о чемъ см. Москов. Арх. Минист. Юстиціи; *столбцы Малорос. приказа*, № 5921, а также «древнѣйшій рисунокъ» этой иконы, сдѣланной въ 1706 г. Иларіономъ Мигурою, съ надписью къ нему. (Надпись эта приводится у В. Аскоченскаго на 346 стр. 1 ч. его «Кіева съ древнѣйшимъ училищемъ Академіею»). О торжественномъ совершеніи Богослуженія «въ день памяти великаго князя Владиміра *въ нижнемъ городѣ, въ Братскомъ монастырѣ*», упоминаетъ Гордонъ (Кіев. Епарх. Вѣд., 1875 г., № 11 стр. 378).

[67]) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повытья.* № кн. 11, л. 105; *Ibid.* № кн. 12, л. 126; *Ibid.* № кн. 33 (1699 г.), л. 71 и друг.—Въ это время пальба происходила и изъ пищалей, находившихся на городскихъ укрѣпленіяхъ. «Генваря въ 6 день, на праздникъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, стрѣляли по большому и по меньшому городѣхъ изъ большихъ и изъ малыхъ изъ 25 пищалей, въ томъ числѣ изъ одной голанской пищали, и на ту стрѣльбу изошло зелья пушечнаго 7 пудовъ, 33 гривенки, да ручного зелья на затравки 32 гревенки, 75 мѣшковъ холщевыхъ пушеч-

ныхъ большихъ и малыхъ, да на пыжи 4 пуда пеньки, 10 гривенокъ фитилю варенаго» (*Ibid.* № кн. 9, 1684 г., л. 103 об.). Срав. извлеченіе изъ Дневника Патрикія Гордона (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1875 г., № 5 стр. 185—186). Съ такою же торжественностію (разумѣется, сообразно съ обстоятельствами нѣсколько видоизмѣнявшеюся) праздновалось въ Кіевѣ Богоявленіе и во всѣ послѣдующія времена, какъ празднуется и на нашихъ глазахъ. Приведемъ указаніе объ этомъ отъ начала прошлаго столѣтія. Въ дневникѣ кіев. митрополита Серапіона (обширная рукопись, принадлежащая намъ) подъ *6 генваря 1805 г.*, между прочимъ, читаемъ: «Въ 9 часовъ поѣхалъ служить въ Братской Богоявленской монастырь въ парадной каретѣ, и *были тогда присланы отъ общества градскаго четыре верховыхъ для препровожденія до монастыря.* У монастыря встрѣченъ во святыхъ вратахъ со крестомъ и со всѣми служащими; обѣдню служилъ, по обычаю, съ архимандритами братскимъ и Самуиломъ пріѣзжимъ. Проповѣдь говорилъ братскій архимандритъ и ректоръ, хозяинъ; народу и господъ было довольно въ церквѣ, былъ и военный губернаторъ. Послѣ обѣдни ходилъ на воду со всѣмъ духовенствомъ на рѣку Днѣпръ... Народу при сей церемоніи очень много было и при начатіи пѣнія: Во Іорданѣ крещающуся, *пущали ракеты и палили въ пушки, а потомъ троекратный былый былъ изъ ружей огонь.* Возвратился въ церковь монастырскую.. шелъ изъ церкви въ мантіи, съ духовенствомъ, предносимымъ отъ ключаря крестомъ, при звонѣ, въ домъ Магистратской, гдѣ всѣ первейшіе чиновники и военный генералъ губернаторъ дожидали насъ. При входѣ въ домъ на крыльцѣ встрѣчены войтомъ и всѣми чиновниками магистрата; по входѣ въ покои была читана протодіакономъ ектенья, и потомъ отпускъ и многолѣтіе Государю Императору и всей фамиліи; потомъ подходили къ кресту и были мною кроплены святою водою; послѣ сего... были подчиваемы кофеемъ и чаемъ, и послѣ водкою .. затѣмъ пошли всѣ въ большую палату за столъ и, *по обычаю ихъ*, трактованы обѣдомъ, а при питіи за здоровье Императора, потомъ мое, а послѣ военнаго губернатора *палили въ пушки и играли въ литавры;* также потомъ пили за здоровье генералитета и всѣхъ

духовныхъ вмѣстѣ же, а послѣ войта съ чиновниками всѣми и съ мѣщанствомъ, а въ заключеніе войска ихъ, и тоже *палили для всѣхъ въ пушки*. Послѣ обѣда подчиваны варенъемъ и яблоками, кофеемъ и чаемъ,—и въ 4-мъ часу, въ исходѣ, изъ дому сего отъѣхалъ провожены будучи до кареты всѣми чинами Магистрата *и при играніи въ сѣняхъ въ литавры, и восемь человѣкъ людей около кареты ѣхали верхами до моею дому*, посланные отъ общества градскаго для *почести* провожать».

[68]) Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

[69]) Описаніе Кіево-Соф. Собора. *Прибавл.*, стр 223.—Поминовеніе П. Могилы совершалось въ день его кончины и въ кіево-печерской лаврѣ. Изъ наиболѣе содержательныхъ и хорошо составленныхъ проповѣдей «на рочины» Петра Могилы укажемъ на двѣ проповѣди Антонія Радивиловскаго, напечатанныя М. Марковскимъ въ его сочиненіи: «Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII в.» Кіевъ, 1894 г. (см. *приложс.* стр. 1—12).

[70]) Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

[71]) Одинъ изъ катихизисовъ «содалесовъ» напечатанъ въ *приложс.* къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 147 и слѣд.).—Кромѣ напечатанной нами въ примѣч. 54 Инструкціи студентамъ, живущимъ при кіево-подольскихъ церквахъ, см. болѣе раннюю и, безъ сомнѣнія, тоже констатирующую давніе обычаи инструкцію (1734 г.) въ соч. В. Аскоченскаго: «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». Кіевъ, 1856 г, ч. II, стр. 102—108.—Сн. «Описаніе Кіево-Софійскаго собора», преосв. Евгенія; *прибавл.* стр. 219.

[72]) Безспорно, что Ѳеофанъ Прокоповичъ принадлежалъ *къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія*. Онъ былъ «но-

ваторомъ и въ догматикѣ и въ проповѣдничествѣ, горячимъ врагомъ и схоластики съ риторствомъ, и латинства, почитателемъ, преимущественно, протестантскихъ богослововъ». Лекціи Ѳеофана въ Академіи его недоброжелатели называли опасными, усматривая въ нихъ «новое ученіе». Лекціи эти дѣйствительно были новостью въ Академіи того времени, еще не совсѣмъ отрѣшившейся *отъ богословствованія съ латинскимъ оттѣнкомъ* (см. *примѣч. 63*).

[73]) Риторическихъ и поэтическихъ произведеній, въ особенности мелкихъ, сохранилось отъ разсматриваемаго времени весьма значительное количество. Большинство ихъ не предназначалось къ печати, и извѣстно по рукописнымъ оригиналамъ или спискамъ. Всякія торжества—имянины, крестины, свадьбы и т. п.,—если въ нихъ принимали участіе коллегіаты, не обходились безъ поздравительныхъ рѣчей и виршей,—и нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ произведеній не лишены литературныхъ достоинствъ и нерѣдко въ этомъ отношеніи превосходятъ подобныя произведенія, предназначавшіяся для печати и напечатанныя. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены и юмора. Для образца приведу небольшую выдержку изъ поздравительныхъ виршей, подъ заглавіемъ: *Wieniec Triumphalny*, составленныхъ «аудиторомъ елоквенціи» Ѳеодоромъ Криницкимъ ко дню бракосочетанія Василія Кочубея, сына генеральнаго судьи войскъ запорожскихъ, съ дочерью миргородскаго полковника Анастасіею (находится въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ *въ числѣ рукописей, пожертвованныхъ княземъ Оболенскимъ*). Такъ какъ Василій Кочубей былъ питомцемъ кіево-могилянской коллегіи, то авторъ въ своихъ виршахъ олицетворяетъ тѣ школы, въ которыхъ В. Кочубей обучался, и отъ лица ихъ привѣтствуетъ новобрачнаго. Вотъ привѣтствіе отъ школы синтаксиса:

«Ehey! Kiedyś to y ia tobą się szczyciła,
a dziś się iuż mnie odrzekł moia duszo miła.
Iasnioł tobą moy komput y wszystkie konteczki,
wesołey zażywałam codziennie piosneczki.

Wszak że znasz, że ia to cię wyszey promowała,
bo by Rhetorikac tych talentow nie dała.
Wyszczom classis bezemnie nikt się nieobeydzie:
kto u mnie *foc*, to Philosoph taki będzie»... и т. д.

[74]) Для уясненія вопроса о томъ, на какомъ уровнѣ развитія находилась богословствующая (употребляемъ это слово въ широкомъ его значеніи) мысль тогдашнихъ кіевскихъ ученыхъ, нужно имѣть въ виду не одни дошедшія до насъ ихъ лекціи по богословскимъ предметамъ, но и учено-литературные ихъ труды. Одинъ изъ подобныхъ трудовъ, относящійся ко времени нами разсматриваемому, имѣетъ столь *важное значеніе* для указанной цѣли, что мы рѣшаемся привести его почти въ полномъ видѣ. Трудъ этотъ—коллективная докладная записка кіевскихъ ученыхъ, составленная ими по порученію митрополита Варлаама Ясинскаго. Порученіе вызвано было затрудненіями, возникшими по вопросу о посвященіи въ епископы Діонисія Жабокрицкаго. Извѣстно, что Жабокрицкій, послѣ смерти Аѳанасія Шумлянскаго († 1694 г.) избранный волынскою шляхтою на луцкую епископію, *былъ женатъ на вдовѣ*, съ которою разошелся, причемъ она опять вышла замужъ и въ данное время находилась въ живыхъ. Обстоятельства эти, по «правиламъ св. отецъ» заграждавшія Жабокрицкому доступъ къ іерархическимъ степенямъ, волынской шляхтѣ, разумѣется, хорошо были извѣстны, но она въ виду выдающихся достоинствъ Жабокрицкаго, какъ человѣка заслуженаго, ученаго, вліятельнаго, извѣстнаго своею ревностью къ православію, «крѣпко при томъ стояла», чтобы онъ, «а никто иной былъ у нихъ епископомъ». Извѣстны были эти обстоятельства (чрезъ «резидентовъ» въ Польшѣ) и московскому правительству, но и оно, въ виду указанныхъ волынскою шляхтою соображеній, не препятствовало посвященію Жабокрицкаго въ епископы, о чемъ указомъ отъ имени государей 12 авг. 1695 г. и сообщено было кіевскому митрополиту. Однако въ указѣ подчеркивалось, что это посвященіе должно быть совершено «за благословеніемъ святѣйшаго киръ Адріана», патріарха московскаго,—совершено «по правиламъ св. Апостолъ и св.

отецъ». Немедленно по полученіи этого указа митрополитъ Ясинскій и обратился къ кіевскимъ ученымъ съ предложеніемъ, чтобы они, принявши во вниманіе всѣ обстоятельства, касающіяся дѣла Жабокрицкаго, «подумали и посовѣтовали духовнѣ: достоитъ-ли быти рукоположенну въ епископа», хотя бы и по нуждѣ, «тому, *иже понялъ бѣ себѣ вдову въ жену?*»

Упомянутая нами коллективная докладная записка кіевскихъ ученыхъ (находъ. въ Москов. Синодальной библіот., въ сбор. № 1, лл.. 423—426) и представляетъ научно мотивированный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

«На сей вопросъ—читаемъ здѣсь—мыслящимъ намъ како отвѣщати, обрѣтохомъ отвѣщающія за насъ самыя правила святыхъ апостолъ и прочіихъ соборовъ святыхъ отецъ, яже извѣстнѣйша суть вашему Преосвященству. Явѣ бо в правилѣ апостольскомъ, числомъ осмнадесятомъ, пишется сице: пущеницу, или рабу, или вдовицу, или плясовицу поемый, не священникъ есть. Чтохомъ же и инныхъ святыхъ отецъ правила, возбраняющая таковымъ быти епископами, иже вдовы поймаваху въ жены. Обаче та чтуще, внимаетъ и овымъ: яко церковь Христова еще первобытная даде крайнимъ властемъ архіерейскимъ таковую силу, ею же могутъ ослабу творити правилу апостольскому или соборному святыхъ отецъ въ нарочитыхъ нуждахъ церковныхъ, наипаче егда православная вѣра в бѣдахъ остатнихъ гдѣ бываетъ, отъ коихъ бѣдъ сохраненна быти не можетъ, развѣ ослабою, сотворенною чрезъ церковь; но та ослаба съ опаснымъ разсужденіемъ должна есть бывати: *Въ первыхъ*, да въ таковой ослабѣ не утаевается хула противъ тайны Тройческаго единосущнаго Божества, или единаго коего отъ Троицы лица, любъ противо коего-либо догмата вѣры, отъ святыхъ отецъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ составленнаго. *Второе*, да ослаба таковая не бываетъ кромѣ нарочитыя послѣднея нужды церковныя. *Третее*, да таковою ослабою правило то, ему же нужды ради ослаба бываетъ, не мнится кому отнюдь навсегда истребленно и уничиженно быти, но паче по нуждной той ослабѣ да хранится въ таковой же крѣпости, в яковой прежде ослабы составленно бѣ. Таковыхъ ослабъ употребляли в нуждахъ спа-

сенія человѣческаго и сами апостолы святыи, противу правиламъ, отъ нихъ же самихъ составленнымъ. Пишетъ бо ся въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (въ главѣ 15), яко восташа нѣціи отъ ереси фарисейскія, вѣровавшіи въ Христа, глаголюще: потребно быти обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова обращающимся отъ языкъ къ Богу,—и тако молвяще, возмущаху братію, иже отъ языкъ, развращающе души ихъ. О сей убо молвѣ, извѣщени суще въ Іерусалимѣ апостоли отъ Павла и Варнавы, сотвориша соборъ, на немъ же уставиша правило таково: яко весьма непотребно есть обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова къ вѣрѣ Христовой,—и съ тѣмъ правиломъ апостольскимъ послани быша въ Антіохію Павелъ и Варнава съ прочими апостолы, идѣже твердо проповѣдаша, да правило то о необрѣзаніи и нехраненіи закона Моисеова хранимо будетъ. Обаче вскорѣ по соборѣ томъ Іерусалимскомъ пріиде Павелъ въ Дервѣ и Листру (Дѣян. глав. 16), идѣже обрѣте Тимоѳея, единаго отъ вѣрныхъ, сына жены юдеяныни вѣрныя, отца же еллина, и при немъ обрѣза его за юдей сущихъ на мѣстѣ томъ, в коемъ обрѣзаніи, уже запрещенномъ, не истреби навсегда Павелъ правила апостольскаго, установленнаго о необрѣзаніи, но сотвори то отъ особыя нужды, спасенія ради іудей тамо сущихъ, видяще бо многихъ в Дервѣ и Листрѣ іудей быти прекланяющихся къ вѣрѣ Христовой, точію твердо мнящихъ быти потребно къ той же Христовой вѣрѣ обрѣзаніе и храненіе закона Моисеева; о нихъ же предувидѣ Духомъ Святымъ Павелъ, яко іудеи тыи, пріемше вѣру Христову, познаютъ потомъ сами просвѣщеніемъ Духа Святаго, яко непотребно есть къ вѣрѣ Христовой обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова, точію дабы первѣе пріятенъ былъ проповѣдію своею тѣмъ іудеевъ, обрѣза Тимоѳея, ослабляя на едино то время, въ нуждѣ той, правило апостольское; по обрѣзаніи же Тимоѳеевомъ паки Павелъ проповѣда твердо хранити уставы, сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже въ Іерусалимѣ. Посемъ паки (Дѣян. глав 21) пріиде Павелъ въ Іерусалимъ, идѣже совѣтомъ Іакова святого сотвори себѣ очищеніе, в законѣ Моисеовомъ написанное, явися в сонмищи. Очищеніе то законное сотворити Павлу совѣтова Іаковъ святый сего ради, яко видяще проповѣдь

Павла святаго имѣти велію в себѣ Духа Святаго силу, в сердцахъ невѣрныхъ дѣйствующую, восхотѣ убо, дабы Павелъ святый в сонмищи проповѣдалъ вѣру Христову; но понеже слухъ проиде о Павлѣ святомъ въ Іерусалимѣ, яко онъ весьма отвергастъ законъ Моисеовъ, убояся, да не возбранится не точію проповѣдь, но и входъ в сонмище Павлу святому, тѣмъ же совѣтова Іаковъ святый, да Павелъ святый очищеніемъ законнымъ явится отвнѣ іудеомъ, яко не весьма отвергаетъ законъ Моисеовъ, и ради внѣшняго того явленія да не будетъ возбраненъ внити въ сонмище и проповѣдати тамо вѣру Христову; совѣтова же Іаковъ святый Павлу святому такожде не въ уничиженіе и истребленіе правила апостольскаго о нехраненіи закона Моисеова, понеже словесы самого апостола святого Іакова правило то апостольское составися и совершенно утвердися, но ради спасенія Іудейскаго: якоже толкуютъ отцеве святыи.

И Петръ святый, по соборѣ апостольскомъ Іерусалимскомъ, многажды предъ іудеи творяшеся хранити законъ Моисеовъ и удалятися отъ общенія съ языки, аще и самъ присутный бѣ собору апостольскому, и явленіе имѣ съ небеси родомъ языческимъ не гнушатися и творити ихъ обѣщники благодати Христовой: понеже нѣсть у Бога на лица зрѣнія, но равно іудеомъ и еллиномъ хощетъ всѣмъ спастися и в разумъ истинный пріити; обаче Петръ святый безгрѣшно лицемѣряшеся ради удобнѣйшаго преклоненія Іудеевъ къ вѣрѣ Христовой, оба съ Павломъ святымъ глаголюще: *со всѣми всякъ бѣхъ, да всѣхъ пріобрящу.*

Каковъ имать быти епископъ? Преднаписа Павелъ святый къ Тимоѳею и Титу образъ достоинства епископскаго, между иными же: *да не будетъ епископъ новокрещенный.* Обаче Амвросій святый, епископъ Медіоланскій, еще точію оглашенъ сый, а не крещенъ, избранъ есть въ епископа,—избранъ же не своею любоначалія волею, ниже благословеніемъ человѣческимъ, но самою силою Божіею; ибо малъ отрокъ первѣе въ церкви возгласи: «Амвросій да будетъ епископъ!»—посемъ единогласно всѣ возопиша: *Амвросію подобаетъ быти епископомъ,*—и тако волею и радостію всѣхъ избранъ есть въ епископы еще не крещенъ сый, неволею же и смущеніемъ своимъ въ епископы по-

ставленъ окрещенный. И сіе избраніе Амвросія святого въ епископа, точію оглашеннаго, не бѣ въ уничиженіе или истребленіе правила святого апостола Павла, но ослаба бѣ правилу тому ради нужды церковныя; ибо тогда церковь Медіоланская бѣ в великой бѣдѣ отъ аріанскаго гоненія. Предувидѣвъ же Богъ, яко Амвросій святый своимъ богомудріемъ, остроуміемъ, краснорѣчіемъ и ревностію благоразумною можетъ спасти вѣрныхъ отъ налоговъ хулныхъ аріановъ, изволи самъ ослабу сотворити на время правилу Павла святого.

Воспомянутися здѣ можетъ и произведеніе на санъ архіерейскій Григорія святого, Неокесарійскаго чудотворца, иже освященъ есть на санъ архіерейскій отъ блаженнаго Федима, епископа Амасійскаго, не по чину тому, егоже самъ Христосъ уставилъ на освященіе архіерейское; Христосъ бо усты своими къ устомъ апостольскимъ глагола: *Пріимѣте Духъ Свят*... и прочее... *сіе творите въ мое воспоминаніе... шедше научѣте вся языки крестяще ихъ*..., постави апостоловъ, присутныхъ іереевъ и архіереевъ, и таковый образъ предаде апостоломъ; апостоли же своимъ наслѣдникомъ поставленія на іерейство и архіерейство, и сего ради святый апостолъ Павелъ тайну священнодѣйствія зоветъ возложеніемъ рукъ. Но Федимъ святый, далече отстоящаго Григорія святого поставляя на архіерейство, како возлагалъ руцѣ свои на того, иже не бѣ присутенъ? Како глаголалъ усты къ устомъ, отстоя далече? Невѣжа ли бѣ Федимъ блаженный, или гордъ и уничтожитель чина и образа, на поставленіе іерейское и архіерейское самымъ Христомъ установленнаго? *Ни:* но сотвори сіе странное и весьма нечинное поставленіе архіерейское нужды ради церковныя. А яковая тогда бѣ нужда церкви Новокесарійскія? Зрѣти в житіи Григорія Неокесарійскаго. Того ради воспомянушася сія вся, яко нужды ради церковныя могутъ архіерее, крайнюю власть имѣющіи, правилу коему церковному на время ослабу творити.

Въ всѣхъ странахъ тѣхъ, ими же обладаютъ иновѣрныи, пачеже и весьма невѣрныи погане, нѣсть гоненія тако тяжкаго на людей нашихъ православныхъ, якоже въ королевствѣ Польскомъ: до болѣзнуючихъ неволно священникомъ ити съ пре-

честными тайнами явно, ибо потиры святыя изъ рукъ священническихъ восхищаются, и тайны святыя, з потира на землю опровергаемы, бываютъ ногами попираемы; преставльшихся отъ житія сего не есть вольно нести явно ради погребенія при святомъ церковномъ храмѣ, ибо телѣса тѣхъ изъ носилъ на землю низвергаются, священници же проводящіи и людіе з ними благочестивыи нещадно біемы бываютъ; земли монастырскіи и церковныи насиліемъ чрезъ ксендзовъ и уніатовъ отыймуются, и не точію земли, но и монастырѣ и церкви насиліемъ отъ благочестія православнаго отторгаются доселѣ и къ уніи римской соединяются. Отческое, душеспасительное, благочестивое пресвѣтлѣйшихъ монарховъ нашихъ бѣ попеченіе о церквахъ православныхъ, в королевствѣ Польскомъ сущихъ, когда уставися примиреніе вѣчное ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ Полскимъ; уставися тогда, да четыре епископства: Луцкое, Премыслское, Львовское и Бѣлорусское,—повинуются въ всемъ митрополиту Кіевскому, якоже и прежде. На сію же статію и самъ королевское Величество крестъ цѣловалъ, но крестное то цѣлованіе въ смѣхъ отъ нихъ вмѣняется. По примиренію же между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ, безчисленныи монастырѣ и церкви отторгненны суть отъ православія святаго, а къ унѣи римской приданы. Епископство Премыслское совсѣмъ отторгнено з многими и древними монастырями: с монастыремъ Угорницкимъ, отъ котораго монастырь Скитскій имѣетъ начало, з монастырами Лавровскимъ и Щеплотскимъ, а в тѣхъ монастырехъ бяху старцы зѣло искусныи, подражатели древнимъ предводителемъ нашимъ пустынножителемъ; о прочіихъ меншихъ подгорскихъ монастырахъ и не воспоминается. Въ епископствѣ Луцкомъ до трехъ сотъ парохіальныхъ церквей, такожде по примиреніи ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ полскимъ, унѣаты, отъ православія отторгнувше, себѣ соединиша. Отторгнуша унѣаты монастырь Зимненскій, пресловутый издревле; в томъ монастырѣ церковь каменная изящная, и ограда каменная; той монастырь бѣ зданіе благочестивыхъ князей россійскихъ Кіевскихъ, волынскими землями обладающихъ. Отторгнуша монастырь Низки-

ницкій, зданіе блаженныя памяти Адама Киселя, воеводы Кіевскаго; прочіи же монастырѣ меншіе Волынскіе и не воспоминаются. Такожде не воспоминаются монастырѣ Подляскіе и в князствѣ Литовскомъ, которыи уже по примиреніи отторгнены суть.

Но понеже королевское Величество з своимъ сенатомъ глаголютъ: яко постановленыя статіи о епископствахъ не нарушаютъ и нарушити не хотятъ; убо аще бы епископъ былъ таковый, или Луцкій, или Премыслскій, или Львовскій, или Бѣлорусскій в державѣ Полской, который бы умѣлъ и моглъ договариватися у королевскаго Величества, по что дѣломъ не исполняются статіи, постановленыи между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ,—чаемъ, яко была бы отрада кая-либо нашимъ православнымъ, не тако дерзновенія ради нашихъ православныхъ, тамо живущихъ, яко страха ради пресвѣтлѣйшихъ: нынѣ же ни единъ человѣкъ тамо таковъ обрѣтается ни между чиномъ духовнымъ, ни между мірскимъ, иже бы, в лице ставши королевскому Величеству и сенатови, купно з резидентомъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества, допоминался: по что дѣется не по статіамъ, но сопротивно? Нынѣшній же нареченный епископъ Луцкій, Діонисій Жабокрицкій. имѣетъ отъ Бога себѣ толику силу, яко моглъ бы в лице стати озлобляющимъ православіе наше, ибо православія есть ревнитель великъ зѣло, учителенъ, краснорѣченъ, дерзновенъ, породою изященъ, отчинами своими власными богатъ, королевскому Величеству и всему сенатови и знаемый и приступъ имѣючій мудрости своея ради. Имѣетъ же сію точію препону: яко жену вдову имяше. Но понеже и во времена апостольская и послѣжде, великихъ ради нуждъ церковныхъ, бывала на время ослаба правиламъ церковнымъ, и нынѣ убо, образомъ самыхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, мощно сему быти... по всемилостивому призрѣнію святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго великаго господина нашего Куръ Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, яко равную власть съ четверопрестольными патріархами имѣющаго, на людей нашихъ православныхъ в королевствѣ Полскомъ су-

щихъ, въ всегдашнемъ озлобленіи и гоненіи стенящихъ и руки помощи отъ прекрѣпкія десницы пресвѣтлѣйщихъ и примилостивѣйшихъ монарховъ нашихъ ожидающихъ. Благонадеждны есмы о нареченномъ нынѣшнемъ епископѣ, яко не точію епархіи епископства Луцкаго, но и прочимъ можетъ пособствовати: древнее лицемѣріе нарицающагося православнымъ епископомъ Львовскимъ Шумлянскаго можетъ обличити и лихоимство укротити. Молимъ убо смиренно вашего преосвященства, изволь ваше преосвященство усердный быти ходатай къ святѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину Кyръ Адріану, архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, да благословитъ помянутаго Діонисія Жабокрицкаго, нареченнаго епископа Луцкаго, самымъ дѣломъ поставити въ епископа здѣ в Кіевѣ. Первый се образъ будетъ, дѣломъ исполняющій статіи вѣчнаго примиренія между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ и королевствомъ Полскимъ о четырехъ епископствахъ тамошнихъ православныхъ, имущихъ повиноватися митрополиту Кіевскому. Аще же онъ Діонисій Жабокрицкій не поставится въ епископа въ Кіевѣ, боимся да не прійдутъ в отчаяніе, и да нашимъ бѣднымъ тамошнимъ православнымъ не будутъ послѣдняя горшая первыхъ, отъ чего да сохранитъ ихъ Господь. И повторяюще убо о томъ смиренное моленіе наше, да изволиши преосвященство ваше усердно ходатайствовати къ верховнѣйшему архипастыру нашему, великому господину святѣйшему и блаженнѣйшему всероссійскому патріарсѣ, о благословеніе преосвященству вашему рукоположити сего, нуждно потребнаго защитника православія Діонисія Жабокрицкаго на епископство. Сей челобитный отвѣтъ нашъ не словесно подаемъ, понеже коегождо отвѣтствующаго вещь долгаго требовала бы времени, но на писаніи семъ з подписомъ рукъ нашихъ, собравшися единодушно и согласно в монастырѣ свято-Михайловскомъ Златоверхомъ Кіевскомъ року тысеча шестьсотъ деветьдесять пятаго мѣсяца септемврія дня 20».

Подъ документомъ, послѣ обычнаго обращенія къ митрополиту, подписались слѣдующія лица:

Сильвестеръ Головчичъ, игуменъ монастыря Михайловскаго Золотоверхаго Кіевскаго.

Кіевскаго Кириловскаго монастыря игуменъ Иннокентій Монастырскій.

Монастыря свято Никольскаго пустынскаго Кіевскаго игуменъ, коллегіумъ Кіевскаго *ректоръ Іосафъ Кроковскій.*

Варлаамъ Страховскій, игуменъ монастыря Выдубицкого Кіевскаго.

Стефанъ Яворскій, префектъ школъ Кіевскихъ.

Захарія Корниловичъ, намѣстникъ свято Софійскій катедральный метрополитскій Кіевскій.

Софроній Подгаецкій, старецъ соборный судовъ духовныхъ митрополитанскихъ.

Іеромонахъ Іеронимъ Симановскій, учитель философіи Кіевскій.

Іеромонахъ Товія, проповѣдникъ слова Божого Кіевскій.

Іеромонахъ Калистъ, проповѣдникъ слова Божого при катедрѣ митрополитанской Кіевской.

Іеромонахъ Ефремъ, духовникъ митрополитанскій.

Іоанъ Углицкій, протопопъ Кіевскій.

[75]) Вызовы въ Москву, а впослѣдствіи и въ Петербургъ, кіевскихъ ученыхъ были очень частые. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ центральному пункту времени, нами разсматриваемаго (самому началу XVIII стол.). Въ 1701 году по «именному государеву указу» потребованы были въ Москву изъ Кіевской Академіи *шесть, поимянно указанныхъ,* учителей, которые,—за исключеніемъ больнаго Иларіона Ярошевскаго, замѣненнаго однако другимъ—Мелетіемъ Канскимъ,—вскорѣ и были отправлены при довольно обширномъ посланіи кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на имя государя, датированнымъ 27 апрѣля 1701 года.

«Премилостивѣйшій Вашего царскаго пресвѣтлаго Величество монаршескій исполняя указъ (писалъ митрополитъ послѣ обычнаго титула), отпускаю въ царствующій градъ Москву отъ православныя *Академіи Кіевскія* учителей, на полезную церкви

святой услугу, шесть: *Рафаила Краснопольскаго, Іосифа Туробойскаго, Аванасія Соколовскаго, Григорія Гошкевича, Антонія Стрешовскаго* и *Мелетія Канскаго, вмѣсто немоствующаго Иларіона Ярошевскаго*, ихъ же съ нижайшимъ покорственнымъ поклоненіемъ и повиновеніемъ благодатному монаршескому Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пріятію и милостивому призрѣнію всесмиренно вручаю. О семъ радуется и весьма веселится все цѣлое православіе и усердно себѣ привѣтствуетъ сицеваго благополучія, яко Ваше царское пресвѣтлое Величество, православный монархъ, благочестивѣйшій царь, многими военными трудами и богодареннымъ благоразуміемъ своимъ распространяя окрестные предѣлы вселюбезнаго отечества своего, *и о ученіи душеполезномъ въ церкви Божіей, ревностію святою Параклита распаляемый, прилежное и изрядньйшее благоволиши имѣти попеченіе.* Сія Ваще царское пресвѣтлое Величество по природнемъ благоутробію творя, не токмо прародителеви своему, благовѣрному самодержцу, великому князю Владимеру святому, отъ греческихъ странъ по воспріятіи вѣры святыя стяжавающему книжное ученіе, ревнуеши, но и древнѣйшимъ царемъ, любителямъ ученія, послѣдуеши; якоже еще прежде пришествія на землю Христа, Царя небеснаго, Премудрости Божія, цареви Египетскому *Птоломѣю Филяделфу,* собиравшему 70 учителей израильскихъ на преведеніе книгъ закона Моисеева и пророческихъ отъ языка еврейскаго на греческій; по пришествіи же Христовомъ—первому въ царѣхъ христіанскихъ святому равноапостольному великому *Константину*, начальнику собиранія на вселенскія соборы богомудрыхъ іерарховъ къ ученію православныя вѣры; таже—правовѣрнымъ и богонаученнымъ греческимъ царемъ *Ѳеодосіямъ*, правдоучительному *Юстиніану*, храма Премудрости Божія въ Царѣградѣ создателеви, *Льву* премудрому, и прочіимъ всехвальныя памяти достойнымъ монархомъ православно учительнымъ, подражая ихъ на вся полезному благочестію, егда сохраненія ради, растенія же и расширенія святыя православныя Восточныя вѣры *новыя въ государствѣ своемъ православномъ благоволиши воздвигати учительныя Афины, откуда узрятъ послѣдніе роды богомыслныхъ Арепагитовъ, великихъ Василіевъ, Богослововъ*

Григоріевъ, нравоучительныхъ Златоустовъ, богодухновенными своими ученіи доимата святыхъ отецъ утверждающихъ. Вся же сія да сбудутся въ помноженіе похвалы вся премудростію создавшаго Бога, въ Троицѣ святой славимаго, и въ похвалу Матери Премудрости, пренепорочней Владычицы нашея Богородицы Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ богомудрыхъ угодниковъ Божіихъ; благочестивѣйшему же Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества Маестатови въ вѣкопомную честь и во вспріятіе отъ пастырей Начальника, Учителя наивышшаго, Бога Слова, премудрости Наставника, неувядаемаго вѣнца славы»... и проч. (Москов. Архивъ Мин. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед.*; № кн. $^{5}/_{1732}$, л.л. 97—108.—Здѣсь же помѣщены: донесеніе гетмана Мазепы къ государю о мѣрахъ съ его стороны къ наискорѣйшему прибытію означенныхъ учителей въ Москву, и его письмо по сему же предмету къ боярину *Ѳеодору Алексѣевичу Головину.* Въ послѣднемъ Мазепа пишетъ: «Какъ скоро по имяному монаршему Великаго государя нашего, указу... преосвященный Варлаамъ Ясинскій... выслалъ въ царствующій великій градъ Москву честныхъ и ученыхъ иноковъ для ученія дѣтей, то я, нимало ихъ въ Батуринѣ не задержа, съ подорожнымъ моимъ листомъ отпустилъ въ належащую дорогу, и что (такъ какъ) *они въ тѣхъ краяхъ не бывали* и пути не знаютъ, послалъ для провожанія Григорьева полку Анненкова капитана *для лучшаго и скорѣйшаго* тѣмъ законникомъ на назначенное мѣсто проѣзда, *и велѣлъ имъ*, по пріѣздѣ къ Москвѣ, съ симъ моимъ листомъ... *явитися скоро предъ Вашу вельможность»*).

1702 года, іюля 16, по распоряженію Государя, «въ приказъ Малыя Россіи къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину съ товарищи изъ приказу духовныхъ дѣлъ писано о *взятьи къ Москвѣ изъ Кіевской Академіи учителей: Викентія Покорнаго, Досифея Черницкою* (и) *Дорофея Кроткевича, на перемѣну прежнимъ, взятымъ изъ Кіева, учителемъ: Антонію Стрешовскому, да Венедикту Лукашевичу, и вмѣсто умершаго жъ учителя ихъ Афанасія Соколовскаго, и о дачѣ имъ отъ Кіева до Москвы подводъ на подъемъ денежнаго жалованья противъ прежнихъ дачъ».* Вслѣдствіе сего изъ Малороссійскаго приказа посланы были соотвѣтствующія

«грамоты» къ митрополиту Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ и къ кіевскому воеводѣ генералъ-маіору Юрью Ѳамендину (послѣднему о выдачѣ вызываемымъ учителямъ подъемныхъ денегъ «*по 10 рублей* человѣку изъ Кіевскіе палаты»). Въ концѣ октября означеннаго года «по благословенію преосвященнаго Варлаама Ясинскаго»... отпущены были изъ Кіева въ царствующій градъ Москву «для ученія въ латинскихъ школахъ» слѣдующія лица: «велебный отецъ *Іоакимъ Савельскій, казнодѣя монастыря Свято-Никольскаю пустыннаю Кіевскаю, отецъ Инатій Мишталскій з монастыря братскаю кіевскаю* и отецъ Дорофей Кроткевичъ з монастыря Михайловскаго Золотоверхаго кіевскаго жъ». Съ ними вмѣстѣ («при нихъ») отпущены были и ученики. Въ дорогѣ имъ приказано было давать «вездѣ невозбранно по 17 подводъ» (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытья*, № кн. 37, лл. 485—488).

Въ концѣ января (или самомъ началѣ февраля) 1703 года воспослѣдовало «повелѣніе великаго Государя, чтобы взять къ Москвѣ *немотчавъ* (немедленно) з монастыря Печерскаго Кіевскаго іеромонаха Юстина Василевича, блюстителя пещеры ближней преподобнаго отца нашего Антонія, и іеромонаха *Иннокентія Поповскаю*, трудившаго (трудящагося) въ училищахъ монастыря Братскаго Кіевскаго, *постриженца того же монастыря Печерскаю Кіевскаю,* и о томъ написать къ преосвященному митрополиту Кіевскому и къ архимандриту Печерскому, *чтобъ указу Государеву не противилися и тѣхъ двухъ іеромонаховъ немотчавъ къ Москвѣ высылали,* а о подводахъ и о деньгахъ на подъемъ писать къ воеводѣ кіевскому Ѳамендину» (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытья*; № кн. 39, л. 86 об.).—Въ грамотѣ къ митрополиту (2 февр. 1703 г.), посланной по этому поводу, включена оговорка, что если Иннокентія Поповскаго, «префекта школъ кіевскихъ», «*ради богословскаю ученія невозможно отпустить*», то взамѣнъ его отправить *Амвросія Бѣлиневича, игумена Міарскаю* (Ibid. л. 88 об.).

Вызываемы были въ это время кіевскіе ученые и для миссіонерскихъ цѣлей. 1700 года, іюля 20, воспослѣдовалъ указъ великаго Государя, «чтобъ въ Кіевскихъ монастырахъ, подра-

жая во святомъ и богоугодномъ дѣлѣ, выбрать людей добрыхъ *и ученыхъ* иноковъ, всякаго—и благаго и непорочнаго житія свидѣтельствованныхъ, непрестарѣлыхъ, 2 или 3 человѣкъ, которые бы могли *въ Сибири и въ Китайскомъ государствѣ въ слѣпомъ идолослуженіи и въ прочихъ невѣрствіяхъ закоснѣлыхъ людей, науча святой православной вѣрѣ, святымъ крещеніемъ просвѣтити, и въ познаніе и въ поклоненіе истиннаго живаго Бога привести;* которые идолопоклонники моглибъ, свое суевѣріе познавъ твердыми святаго Евангелія доводами, отъ той сатанинской темной области въ свѣтъ познанія Христа Бога нашего придти и тамо живущихъ и пріѣзжихъ христіанъ отъ прелести идолослуженія и всякихъ неподобныхъ дѣлъ отбыть; *и жили бы у построенной въ Китайскомъ государствѣ Божіи церкви въ служеніи своемъ житіемъ благимъ и непорочнымъ, которымъ бы могли хана Китайскаго, и ближнихъ его людей, и вобще народъ ихъ привести къ тому святому дѣлу—къ вѣрѣ христіанской, и къ людемъ Россійскаго народу, которые по вся годы с кораваны* для торгу и для всякихъ посылокъ пріѣзжаютъ, сотворити со всякою ласкою склонительныхъ» (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед.* № кн. $^{5}/_{1732}$, л.л. 61—62).

Хотя митрополитъ Варлаамъ Ясинскій «радовался и весьма веселился», что Государь ревнуя древнимъ науколюбивымъ вѣнценосцамъ, имѣетъ прилежное попеченіе о распространеніи просвѣщенія, съ каковою цѣлію требуетъ присылки учительныхъ людей изъ Кіева въ Москву; но частые вызывы послѣднихъ, какъ приготовленныхъ къ занятію тѣхъ или иныхъ, требовавшихъ научнаго образованія, должностей и уже занимавшихъ оныя,—ставили митрополита, да и другихъ начальствующихъ духовныхъ лицъ, въ затруднительное положеніе. Варлаамъ Ясинскій въ своемъ письмѣ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года, извѣщая его о предстоявшей, по обстоятельствамъ нѣсколько замедленной, высылкѣ упомянутыхъ нами (требуемыхъ П. Великимъ въ Москву) шести учительныхъ лицъ и «усердно моля о ходатайствѣ» предъ государемъ, «дабы не изволилъ (за промедленіе) своего монаршего на него, немощного старца, положити гнѣва»,—о состояніи дѣлъ въ Кіевской

Академіи, между прочимъ, пишетъ: «А что о магистрахъ—*отецъ Туробойскій не докончилъ реторики и здѣсь зѣло былъ надобенъ на маистровство философіи послѣ моего племянника* (какъ видно изъ другихъ данныхъ—Иннокентія Поповскаго); *но боясь гнѣва монаршескаго, и тотъ скончивъ свою риторику прежде Свѣтлаго Воскресенія, а діалектику хотя больному вручивъ отцу Муравскому, отпущенъ будетъ.—А братъ Ярошевскій маистеръ, сынъ Тактицкій, болѣзнуетъ лихорадкою подлинно, а на его мѣсто развѣ пошлется изъ Николскаго монастыря подобный ему Мелетій Канскій, хотя и тотъ здѣсь надобенъ бы былъ къ ученію, чтобъ и здѣсь не праздно было.—А что о маистрахъ философіи, развѣ мой племянникъ принужденъ будетъ трилѣтную философію, какъ ни есть, продолжати, покамѣстъ не сыщется иной послѣ его»*, (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Малороссійскаго Приказа*, № кн. 83, л л. 468—471)—Іоасафъ Кроковскій, въ то время архимандритъ кіево-печерскій Лавры, въ письмѣ своемъ къ гетману Мазепѣ, *отъ 16 декабря 1701 года*, между прочимъ пишетъ: «Сими времены присланъ съ Москвы монаршескій указъ, дабы нашъ нынѣшній намѣстникъ Новопечерскій Свинскій, пречестной отецъ Филофей Лещинскій ѣхалъ къ Москвѣ для воспріятія нѣкотораго начальства по благословенію преосвященнаго его милости отца Димитрія, митрополита Ростовскаго, *что есть намъ съ великою скорбію, понеже частыя перемѣны бываютъ новопечерскихъ намѣстниковъ*» (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспедиціи*, № кн. $^{5}/_{1732}$, л. 118 об).

Повидимому, неохотно отправлялись въ Москву и вызываемые туда кіевскіе ученые. О предназначенныхъ къ отсылкѣ шести лицахъ, поименованныхъ въ государевомъ указѣ 1701 года, В. Ясинскій выражается (въ цитованномъ его письмѣ, къ Стефану Яворскому, отъ 29 марта означеннаго года), что они «*заскорбѣли*». Этою «скорбію»,—назовемъ ее скорбію по родинѣ,—объясняется и то, что нѣкоторые изъ вызванныхъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ, по истеченіи извѣстнаго времени, подъ благовидными предлогами ходатайствовали передъ государемъ объ отпускѣ ихъ обратно въ тѣ мѣста, откуда они были взяты. Такъ

упомянутый іеромонахъ Іоакимъ Савельскій въ апрѣлѣ 1703 года, обратился къ государю съ челобитьемъ: «въ прошломъ де 1702 году, по указу великаго государя и по грамотѣ изъ государственнаго посольскаго приказа взятъ онъ изъ Кіева изъ Никольскаго монастыря къ Москвѣ въ школу славяно-латинскую въ учители, и училъ, а нынѣ де вмѣсто его въ той школѣ есть иной учитель, іеромонахъ Антоній Стрешовскій, *а у него де обѣщаніе по прежнему въ томъ Никольскомъ пустынномъ кіевскомъ монастырѣ* (пребывать), *и великій государь пожаловалъ бы его, велѣлъ отпустить его въ Кіевъ*»... (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Кіевскаю Повытья*, № кн. 39, л. 520). Такихъ примѣровъ можно указать и еще нѣсколько. Но большинство вызываемыхъ въ Москву кіевлянъ свыкались съ своимъ положеніемъ (да болѣе необходимые изъ нихъ *и не были отпускаемы)* и на сѣверѣ созидали свою карьеру на разнообразныхъ поприщахъ.

[76]) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха (впослѣдствіи москов. митрополита) Макарія Булгакова. Спб. 1843 г, стр 103.— Кульминаціоннаго своего пункта, въ смыслѣ *широты* просвѣтительнаго вліянія, Кіевская Академія достигла въ началѣ XVIII столѣтія. Съ теченіемъ времени, когда начинаютъ возникать и въ другихъ мѣстностяхъ высшія учебныя заведенія, значеніе нашей Академіи естественно умаляется, но и послѣ сего еще довольно долго, даже послѣ открытія Московскаго университета, она и въ указанномъ отношеніи продолжаетъ занимать выдающееся мѣсто. Въ 1765 году кіевскій генералъ губернаторъ И. Ф. Глѣбовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, ходатайствуя о назначеніи пособія Кіевской Академіи, представилъ *краткій очеркъ ея исторіи и современнаю состоянія*. Въ очеркѣ этомъ, состоящемъ изъ 12 пунктовъ, въ послѣднемъ говорится: «Изъ обучающихся въ сей Академіи студентовъ немалая часть съ пользою къ разнымъ церковныхъ нуждамъ употребляется, а имянно: въ священники и діаконы, для проповѣди Слова Божія, во учители при разныхъ епархіяхъ для распространенія наукъ, опредѣляются въ кадетскій шляхетной сухопутной корпусъ въ

іеромонахи и іеродіаконы для наставленія кадетовъ догматами православной вѣры, и посылаются къ находящимся при чужестранныхъ дворахъ министрамъ въ капеляны; а прошлаго году отправленъ по указу іеромонахъ Ефремъ Діаковскій въ Англію; сверхъ того берутся и въ другія должности, сирѣчь: въ переводчики разныхъ языковъ и въ медикохирургическую науку, въ которую предъ нѣсколькими годами, по указу Св. Синода, взяты до ста, а въ 1761 году 50 человѣкъ, изъ коихъ и нынѣ дѣйствительно не малое число при арміи В. И. В. лѣкарями и подълѣкарями служатъ, а иные въ чужіе краи для совершеннаго обученія медицинѣ отправлены, изъ коихъ нѣкоторые, возвратясь, въ докторскую должность опредѣлены». (Съ копіи доклада, хранящейся въ старыхъ дѣлахъ *архива Кіевскаго губернскаго правленія;* сообщена намъ А. А. Андреевскимъ).

С. Голубевъ.

Издательство православной богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: **info@axion-estin.ru**